

Алексей
Палесский

НОЧЬ
В ГЕФСИМАНСКОМ
САДУ

Алексей Павловский

Ночь в Гефсиманском саду

OCR bober777

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133862

Павловский А. *Ночь в Гефсиманском саду: Избранные библейские истории*: Лениздат; СПб.; 1991
ISBN 5-289-00862-4

Аннотация

В книге излагаются наиболее известные библейские истории, вошедшие в культурный фонд человечества и многократно использованные в мировой литературе и искусстве. Сюжеты, предложенные автором, раскрывают долгую, подчас мучительную и кровавую историю пути человечества к богу и отпадения от него. Новый Завет в его интерпретации – волнующий драматический рассказ о земном пути Христа, полный психологических догадок и исторических комментариев.

Оригинальная литературная форма, использованная автором, современная научная трактовка сюжетов, мотивов, образов Библии, несомненно, обогатят читателя, приобщат его к великому памятнику человеческой культуры.

Книга богато иллюстрирована репродукциями с гравюр знаменитого французского художника Г. Доре.

Содержание

К ЧИТАТЕЛЯМ БИБЛЕЙСКИХ ИСТОРИЙ	4
ВЕТХИЙ ЗАВЕТ	13
СОТВОРЕНИЕ МИРА	15
АДАМ И ЕВА	31
КАИН И АВЕЛЬ	43
ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП	51
ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ.	68
ИСТОРИЯ АВРАМА	73
ИСТОРИЯ ИСААКА	136
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ АВРААМА	142
ИСААК И ЕГО ДЕТИ	154
Конец ознакомительного фрагмента.	165

К ЧИТАТЕЛЯМ БИБЛЕЙСКИХ ИСТОРИЙ

С грустью иногда смотришь, как посетители музеев равнодушно или недоуменно проходят мимо замечательных полотен великих художников Возрождения, не зная и не понимая, какие именно библейские сюжеты изображены на картинах Леонардо да Винчи или Тициана. Во многом невнятные или полупонятны для многих читателей и замечательные творения художников слова Данте, Тассо, Мильтона, Гете, Байрона... А сколько библейских сюжетов и ассоциаций, мотивов и отзвучий можно встретить (и не понять!) в творчестве русских писателей, начиная от литературы Древней Руси, а затем от Ломоносова, Державина, Лермонтова и Пушкина до Маяковского, Володина, Гумилева, Есенина, Цветаевой, Ахматовой и Булгакова...

В культурном сознании наших современников образовался пробел. «Самая читающая страна в мире» оказалась лишенной важнейшего памятника человеческой культуры и словесного творчества.

Библию у нас знают очень плохо. Она долго не издавалась и почти вышла из обихода. А ведь когда-то она была домашним, семейным чтением.

С великой и древнейшей книгой человечества (само слово

«библия» означает «книга») поступили точно так же, как и со многими замечательными храмами, то закрытыми, то разрушенными, то занятыми под служебные помещения и разные подсобные склады.

Библия была не только закрыта (поскольку не издавалась), но и, подобно храмам, разрушена – с помощью грубых и неумных толкований. Но, что хуже всего, она была превращена в своего рода подсобный склад, откуда при надобности можно было вытаскивать различные цитаты для текущих нужд «антирелигиозной» пропаганды. Именно это и позволило не только изъять из духовного обихода Библию, но и сжечь, подобно варварам, целые монастырские библиотеки.

Между тем в Библии помимо разнообразных сведений из истории народов Ближнего Востока, неожиданно и все чаще подтверждающихся историческими и археологическими разысканиями, заключен богатейший коллективный опыт социальной, культурной и эмоциональной жизни людей с незапамятных времен. Достаточно сказать, что наиболее древние части этого уникального творения, рассказывающие о покрытых непроницаемым туманом событиях, происходивших три-четыре тысячелетия тому назад, создавались примерно в XII веке до н. э. Вся же Библия – как некое целое – складывалась постепенно, вплоть до первых веков уже нашего летосчисления. По ней можно проследить, словно по вековым кольцам могучего дерева, важнейшие хроно-

логические пласты с вкрапленными в них вполне достоверными или искаженными временем и переписчиками фактами и событиями.

Поскольку Библия складывалась на протяжении веков из самого разнообразного словесного и «идеологического» материала, она нелегка для чтения. В ней широко использован фольклор разных народов, в особенности многочисленные сказания, мифы и легенды, бытовавшие в незапамятной – шумерской и ассиро-вавилонской древности. Эти фольклорные пласты давно уже исчезли из живой человеческой памяти, но, сохранившись в Библии, нередко затрудняют современному читателю ее восприятие. Да и само разнообразие сюжетов, идей, размышлений и проповедей, песен, плачей и пророчеств делает ее достаточно неоднородной, а местами даже противоречивой. Известная суровость и жестокость Ветхого завета, с его беспощадным богом Яхве и тираническим Моисеем, заметно контрастирует со второй, евангельской частью Библии, Новым заветом, где в центре – милосердный Христос. Есть противоречия между отдельными положениями Библии, ее требованиями и, как ни странно, некоторыми установлениями христианской церкви, поскольку она, как известно, на протяжении веков была в подчинении у государства, а значит, оказывалась вынужденной защищать «кесарево», а не «богово». Этим обстоятельством, кстати, и объясняются странные, лишь на первый взгляд, запреты, которые порою налагались са-

мой церковь на свободное чтение Библии. Ведь буквальное про ведение в жизнь евангельских заветов почти всегда под- рывало устой государственной и церковной власти. В «ком- мунистических» идеалах Христа видели нечто... революци- онное. Кроме того, в Библии есть сюжеты (в Ветхом заве- те), исполненные жестокости и кровавого натурализма, а также... эротика, — их также старались убрать от глаз читателей из простого народа, не говоря уже о детях. Все это надо помнить, когда мы имеем в виду Библию; к чте- нию библейских текстов следует относиться осознанно и серьезно. Библия представляет собою сложное — многосо- ставное и разнообразное по содержанию — про изведение, требующее вдумчивой работы мысли.

Самое важное для нас сегодня в Библии — это содержа- щийся в ней богатейший нравственный опыт человечества, складывавшийся веками и тысячелетиями. Здесь много по- учительного, необходимого и вполне приемлемого для нас. Разве знаменитые заповеди, данные Моисеем, а затем Хри- стом, с их сердцевиным требованием «не убий!», не ак- туальны сегодня в еще большей степени, чем прежде, по- скольку речь сейчас идет об опасности гибели всего челове- чества, о необходимости предотвращения тотальной атом- ной и экологической катастрофы? То, что библейские про- роки называли «концом света», в наши дни, увы, может дей- ствительно им стать, если не объединить усилия народов в борьбе за мир и человечность.

Нас не должно смущать, что многое в библейских рассказах является или кажется неправдоподобным. Ведь не отворачиваемся же мы от греческих мифов оттого, что они походят на сказку. И разве не была найдена Троя, которую считали вымыслом автора «Илиады» и «Одиссеи»? Так и с Библией. Читатель книги «Ночь в Гефсиманском саду» увидит, что многие города, которые посещали в странствиях великие патриархи Авраам, Иаков или Исаак, так же, как и места, через которые проходил вместе со своим народом Моисей, когда он вышел из Египта, чтобы найти страну обетованную, тоже исторически достоверны.

Еще несколько слов о том, как соотносится предлагаемая читателю книга с Библией. Подзаголовок «Избранные библейские истории» уже говорит о том, что, конечно же, не обо всех событиях, изложенных в Библии, идет речь; это, по-видимому, и невозможно. Но я старался, во всяком случае, выдержать библейскую хронологию и, идя за Библией, останавливаться на наиболее важных историях и событиях, рассказанных на ее страницах. Возможно, читатели, знающие прекрасную книгу польского писателя Зенона Косидовского «Библейские сказания», заметят, что я излагаю библейские истории более пространно. Там, где у З. Косидовского страничка, у меня их несколько. Это объясняется желанием дать наиболее вероятную и развернутую психологическую мотивировку описываемых событий, привлечь больше бытовых и исторических деталей и т. д. Кроме того,

главной моей задачей было выявить и показать нравственный опыт, содержащийся в библейских историях, его непреходящее, пережившее различные классовые структуры общечеловеческое содержание.

И наконец, еще одна, тоже очень важная цель есть у этой книги – заинтересовать читателя самой Библией.

Поэтому в ней не только подробно рассказываются библейские истории, но и обильно цитируется библейский текст. Наверно, читатели, впервые прочитавшие эти отрывки, поразятся могучей выразительности библейского слова, его своеобразной поэзии и захотят самостоятельно познакомиться с Ветхим и Новым заветами, составляющими Библию. Теперь в этом нет ничего зазорного.

Вспомним, кстати, как высоко ценил Библию Пушкин. Рекомендуя сыну своего друга П. Вяземского пристально и постоянно читать книги Священного писания, он называл их «ключом живой воды».

«Я думаю, – рассуждал он, – что мы никогда не дадим народу ничего лучше Писания... Библия всемирна; книга Иова содержит всю жизнь человеческую... Мои дети будут вместе со мною читать Библию в подлиннике».

М. Глинка вспоминал, что не раз заставлял Пушкина с Евангелием в руках. «Вот единственная книга в мире, сказал он композитору, – в ней все есть».

Л. Толстой о Библии сказал так: «Мне кажется, что книга детства рода человеческого всегда будет лучшей кни-

гой детства всякого человека. Заменить эту книгу мне кажется невозможным... Для того, чтобы открыть ученику новый мир и без знания заставить его полюбить знание, нет книги, кроме Библии. Я говорю даже для тех, которые не смотрят на Библию как на откровение. Нет, по крайней мере я не знаю, произведения, которое бы соединяло в себе в столь сжатой поэтической форме все те стороны человеческой мысли, какие соединяет в себе Библия. Все вопросы из явлений природы объяснены этою книгою, все первоначальные отношения людей между собой, семьи, государства, религии в первый раз осознаются в этой книге. Обобщение мыслей, мудрость в детски простой форме в первый раз захватывают своим обаянием ум ученика. Лиризм псалмов Давида действует не только на умы взрослых учеников, но, сверх того, каждый из этой книги в первый раз узнает всю прелесть эпосов в неподражаемой простоте и силе. Кто не плакал над историей Иосифа и встречей его с братьями, кто с замиранием сердца не рассказывал историю связанного и остриженного Самсона, который сам гибнет, казня врагов, под развалинами разрушенного дворца, и еще сотни других впечатлений, которыми мы воспитаны, как молоком матери?... Пускай те, которые отрицают воспитательное значение Библии, которые говорят, что Библия отжила, — пускай они выдумают такую книгу, такие рассказы, объясняющие явления природы, или из общей истории, или из воображения, которые бы воспринимались так же, как биб-

лейские, и тогда мы согласимся, что Библия отжила...»

Чрезвычайно высоко ценили этот замечательный литературный памятник все великие умы человечества.

Глубоко воспринимал народную мудрость и поэзию, разлитые на библейских страницах, М. Горький. Он называл Библию «одной из величайших книг, созданных человечеством». В библиотеке писателя хранится несколько экземпляров этой книги, в разных изданиях, с многочисленными пометами, замечаниями, ремарками и подчеркиваниями, свидетельствующими о внимательном чтении им ветхозаветных и евангельских текстов. К ней он обращался постоянно. В его произведениях можно найти множество библейских образов, мотивов и ассоциаций. «Библию надо знать», — настаивал М. Горький. Это было его убеждение.

Действительно, Библию надо знать. К сожалению, много времени упущено и выросли поколения, совершенно лишенные столь необходимого знания.

Как сказал Л. Толстой, заменить Библию какой-либо другой книгой невозможно. Так и книга, лежащая сейчас перед вами, ни в коей мере не может подменить знания подлинной Библии, но, может быть, она у кого-то из читателей вызовет неожиданное желание раскрыть немеркнущие библейские страницы, чтобы погрузиться в мир неизвестный, мудрый и прекрасный.

Пусть «Ночь в Гефсиманском саду» станет первой ступенькой на легендарной «лестнице Иакова», по которой, как

будет рассказано в одной из историй, патриарх поэт тоже не раз поднимался в мир таинственный и притягательный – мир вдохновений, пророчеств, надежд и великой веры в высокое призвание человека.

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Человечество всегда стремилось вспомнить свое начало. Оно в этом смысле поступало точно так же, как и каждый отдельный человек: ведь всем интересно знать, что именно было до его рождения и когда появился первый проблеск сознания. Особенно поражают воспоминания великих людей о своем младенчестве. Лев Толстой, например, говорил, что «первым и самым сильным впечатлением... о жизни» было у него стремление «выпростать руки» из пеленок.

Подобно тому, как различны воспоминания о начале жизни у разных людей, так же несхожи они и у различных народов, в особенности у тех, что были когда-то страшно удалены друг от друга по изначальным регионам своего обитания. Отсюда – разница в мифах, которые, как известно, есть не что иное, как именно воспоминания о прошлом, погруженном в непроглядный и таинственный мрак. Из этого пугающего мрака, из таинственной зыбкой темноты, вырисовываются, подталкиваемые смутной прапамятью и воображением, странные фантастические фигуры; их сочетания, сцепления и хороводы постепенно образуют некие события, складывающиеся в сюжеты. И конечно, совершенно по-своему, оглядываясь, главным образом, на предания предков, на обычаи и многовековые привычки и в соответствии с обликом родной земли и климата, вспоминают народы свое младенчество

— как они «выпрастывали руки», учились ходить и разговаривать. Они постепенно научились «записывать» свои воспоминания сначала в мифах, сказках и преданиях, а затем в грандиозных священных книгах вроде Библии или Махабхараты.

Воспоминания, записанные в Библии, вышли из того ареала, который приблизительно можно очертить районом Месопотамии в северной ее части.

Но есть «воспоминания», записанные в мифах, легендах и сказаниях у народов и племен, населяющих острова и архипелаги Тихого океана, у племен, живших на территории Южной Америки, у китайцев, японцев, у народностей Индии, Средней Азии, у эскимосов, Североамериканских индейцев, киргизов, бурят, нивхов...

Нивхский миф о сотворении мира использовал, как мы все и помним, Чингиз Айтматов в повести «Пегий пес, бегущий краем моря».

Вообще память человечества о начальных днях мира оплодотворила многие и многие произведения мирового искусства и литературы — от грандиозных мифов и гениальных фресок Микеланджело, украшающих плафон Сикстинской капеллы, до супрематистских полотен, являющих глазу клубящийся спиралевидный хаос; от псалмов царя Давида, поющих хвалу Творцу и Небодержцу, до «Сотворения мира» Гайдна и трагической музыкальной фрески «XX век» нашего современника Б. Тищенко, соединившего в клокотании

органа хрупкую мелодию начала жизни со скрежетом апокалипсического конца.

Надо сказать, что в «мемуарных» свидетельствах разных народов о своем начале поражает не столько вполне понятная разница мифов, преданий и легенд, сколько удивительное, прямо-таки ошарашивающее сходство всех этих рассказов в своих каких-то самых главных – первоначальных, определяющих и фундаментальных – чертах. И Земля и Человек во множестве мифов и религий возникали, если выразиться сегодняшним языком, по некоей достаточно общей и, так сказать, «типовой» модели. Тихоокеанский островитянин или древние ацтеки сохранили в своей памяти почти ту же в принципе версию создания Вселенной, что и переписчики библейских книг.

Такое сходство действительно не может не поражать. Более того, оно прямо-таки потрясает, и душу и сознание.

Вначале сотворил Бог небо и землю...

Возникает догадка, кажущаяся лишь на первый взгляд парадоксальной: ведь если столько свидетелей-народов записали в своей памяти, в общем-то (отвлечемся от деталей) почти одно и то же, то нет ли в этих свидетельствах, пришед-

ших из разных времен и разных частей света, крупницы реальности?

И надо сказать, что современный человек – исследователь, художник, историк, ученый-библеист – не сбрасывает со счетов столь драгоценной крупницы. Свидетельства, если они совпадают, должны учитываться; во всяком случае, приниматься во внимание. Конечно, миф есть миф, но и в мифологической структуре может содержаться информация, которой нельзя пренебрегать. Надо, кроме того, понимать, что миф – это поэзия, а поэзии свойственны свой язык, свой код, свои символы, своя, наконец, шифровка.

Не случайно Эразм Роттердамский, автор не только знаменитой «Похвалы глупости», но и многих трудов по богословию и библеистике, предлагал относиться к Библии как к произведению поэтическому – священному, но поэтическому. Он считал, что воспринимать и толковать библейские сюжеты буквально было бы наивно и плоско. В библейских рассказах, доказывал он своему всегдашнему оппоненту Лютеру, есть «плоть» и «дух». К «плоти» он относил конкретную сюжетность и всяческую приземленность, которыми можно, по его мнению, почти пренебречь, потому что главное в историях Ветхого (а отчасти и Нового) завета не конкретность, а «дух», то есть, по его разъяснению, аллегория. В Библии, доказывал он, «иные вещи просто нелепы на вид и, на поверхностный взгляд, вредят нравам, например: коварство Давида, который убийством отплатил за прелюбо-

деяние, непомерная любовь Самсона, тайное сожительство Лота с дочерьми и тысяча подобного рода вещей...». Следует, настаивал он, видеть во всем этом аллегорию. «Если же ты, не обращая внимания на аллегорию, прочтешь, что дети спорили друг с другом в утробе матери, что право первородства продано за похлебку, что благословение отца вырвано хитростью, что Давид убил Голиафа пращой, что были срезаны волосы Самсона, – разве в этом больше толку, чем, если бы ты читал поэтический вымысел?..» Возможно, пылкий Эразм впал здесь в крайность, но сама мысль его о том, что нельзя пренебрегать аллегорией, заслуживает внимания. Ведь, в конце концов, то обстоятельство, что многие библейские истории и персонажи приобрели общечеловеческий смысл, говорит о том, что они – по художественной природе своей – символичны. Правда, Эразм в соответствии с тогдашней эстетикой выводит аллегорию из сферы поэтического, но в этом отношении мы можем пренебречь столь тонкой и исторически изменчивой дефиницией, чтобы согласиться с ним в главном: да, не все надо понимать буквально.

...Однако вернемся к крупице истины, содержащейся в библейском рассказе о сотворении мира.

Здесь мне хочется вспомнить еще одного своеобразного исследователя Библии, видящего в легенде о сотворении мира даже не одну крупицу, а целую россыпь зерен, из которых, если их тщательно просеять и перемолоть, можно успеш-

но испечь хлеб истины. Это знаменитейший американский писатель Айзек Азимов, хорошо известный всем читателям фантастической литературы и научно-популярных книг. Он в результате многолетних исследований написал книгу «В начале», посвященную библейскому рассказу о сотворении мира. Она вышла в 1981 году и переведена с тех пор на множество языков. Строку за строкой читает он Библию, в особенности ее первые одиннадцать глав, и приходит к выводу, что изображенное там начало Земли и Вселенной не так уж фантастично. «Самая первая фраза Библии („В начале Бог сотворил небо и землю“) – пишет Айзек Азимов, – утверждает, что у всего сущего когда-то было начало.

Почему бы и нет? – спрашивает он риторически. Все известные нам объекты имели свое начало. И вы, и я когда-то родились, а до этого мы не существовали, по крайней мере в том виде, как сейчас. Повседневные наблюдения подтверждают справедливость этого в отношении всех прочих человеческих особей, и всех растений, и животных... Да и с научной точки зрения начало имело место – не только у Земли, но и у всей Вселенной...» I

Конечно, писатель не ограничивается первой фразой Библии, рассказывающей о сотворении мира; самое интересное, что и во всех последующих фразах, где идет речь, например, о том, что вначале земля была «без видна» и как бы смешана вместе с небом, и тогда, когда рассказывается, что вода и суша отделились друг от друга, и даже тогда, когда в

Библии говорится о поочередном сотворении растений, животных и человека, — во всех этих случаях исследователь не находит ничего, с чем можно было бы спорить, так сказать, по существу процессов. Другое дело, что, с точки зрения сегодняшней науки, иногда последовательность в чередовании фазисов творения могла быть другой. Все упирается в объяснение самого начала. Библия утверждает, что начало всему положил Бог, он и сам по себе есть начало. Наука, отвергая божественный первотолчок, говорит о проявлении естественных законов, возможно совершенно одинаковых для всей Вселенной. Астроном Е. Шкловский говорит о гигантском взрыве — первовзрыве, положившем начало туманным раскаленным образованиям, из которых и склудилась в конце концов наша Солнечная система, а в ее недрах Земля. Но что касается Вселенной, то, вопреки только что приведенным суждениям А. Азимова, ученые считают, что Вселенная не имеет ни начала, ни конца.

Что касается Библии, то она, как известно, не только утверждает самый факт начала — сотворения мира, но и рассказывает по порядку, в какой именно последовательности это грандиозное событие, растянувшееся на шесть дней, происходило. По Библии, не имеет ни начала, ни конца Бог, что же до Земли и окружающих ее светил, а также всего, что на Земле растет и живет, летает или плавает, то все это имело свое начало.

Библия в своем рассказе основывается на приоритете ве-

ры, поэтому ее суждения совершенно категоричны и безапелляционны. Наука, отвергая божественный первотолчок, оперирует теми данными, которыми она сегодня располагает, и потому, что касается начала жизни и возникновения Вселенной, а также Земли, предпочитает высказываться предположительно, что, кстати, совершенно обязательно для ученого до тех пор, пока он не соберет всех необходимых сведений и данных.

Сотворение мира, по Библии, поражает не только грандиозностью «сведений», но поистине первобытной, какой-то космической мощью, вызывающей у читателя, тем более верующего, озноб страха и восхищения, то есть ту особую смесь чувств, какие обычно вызывает знакомство с подлинно гениальным поэтическим произведением.

Возникает при чтении этих начальных библейских страниц и еще одно странное, но совершенно неотвязное и определенное ощущение: его можно было бы выразить – как ни неуместно здесь это выражение – словом... «достоверность».

Дело, наверное, в том, что Библия, будучи глубоко поэтическим созданием, рассказывает о сотворении мира чуть ли не языком документа и тем самым добивается огромной силы почти гипнотического внушения и убеждения.

Обратите внимание, что, сообщая о днях творения, она прямо-таки информативна и исключительно лапидарна: какой-то телеграфный стиль, чуть ли не морзянка из глуби-

ны пратысячелетий, когда немногими самыми необходимыми словами сообщается лишь наиболее существенное и, конечно, без подробностей и даже без эмоций.

«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною...»

И в самом деле, какие могли быть «подробности», если земля, как сказано, была безвидна и пуста?

Сообщается также, что небо и земля были совершенно бесформенны; они были небом и землей, так сказать, условно, ибо царил в буквальном смысле слова хаос.

Странное дело, то ли завораживает библейский стиль, где вскоре чувствуешь не «телеграфность», а высокую лаконичность своеобразной «космической поэзии», то ли причина в гипнотической непререкаемости интонации, но вскоре ловишь себя на мысли, что тебе сообщают совершенно достоверные сведения. А как могло быть иначе, даже по современным космогоническим теориям? Конечно же, безвидность, хаос, земля и небо перемешаны – будущее и Земли и Вселенной возникает в пустом черном космосе, еще не освещенном светилами и не согретом живительным солнцем.

Вся эта трудно представимая человеческому воображению космическая диффузия, о которой так лаконично говорится в Библии, оказывается, пока лишь предшествовала дням творения.

Первый день творения состоял в том, что Бог одним лишь всемогущим словом «Да будет свет!» отделил свет от тьмы

и назвал свет – днем, а тьму – ночью. «И был вечер, и было утро: день один», то есть день первый.

В подлинной поэзии, тем более такой лаконичной, как библейская, важно каждое выражение. Первый день творения важен не только тем, что свет отделился от тьмы, но и особой, всемогущей, творящей и творческой ролью Слова. Ведь свет и тьма сделались отдельными, самостоятельными лишь тогда, когда они были названы.

Вот почему сказано: «В начале было Слово».

Можно сказать, что это основополагающее, аксиоматическое положение Библии..

И по правде говоря, если отвлечься от догматического богословия и не менее догматического атеизма, сколько здесь простора для живого поэтического воображения!

Недаром поэты всех времен так высоко ценили эту библейскую строку, поставившую Слово превыше всего.

В стихотворении «Слово» Николай Гумилев писал:

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.
И орел не взмахивал крылами
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине

...

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это Бог...

Даже трудно себе представить, какую огромную, ни с чем не сравнимую роль сыграла эта библейская мысль о могуществе слова для развития словесного искусства.

Отныне и надолго – в руках ли писца или в устах оратора – слово признавалось священным. К нему следовало относиться с трепетом – ведь, по убеждению древних и более поздних писателей, слово – божественный дар небес.

Не об этом ли и у Пушкина:

Когда божественный глагол
До слуха чуткого коснется...

Однако вернемся к «дням творения».

Отделив в первый же день свет от тьмы, Бог на следующее утро создал твердь.

Твердью в этот второй день творения называлась не земля, как можно было бы подумать, а небо – небесная твердь со всеми теми бесчисленными мирами, какие и сегодня мы видим на нашем небе, какие и сегодня радуют наш взор. Правда, во второй день творения звезды еще не светились, они

были созданы, но не зажжены.

Слово «твердь» по отношению к небу, кажущееся нам странным, для древних людей не было, однако, ни странным, ни непонятным: ведь именно там возник небесный град (небесный Иерусалим), там находился престол самого Бога, туда, к вратам небесного блаженства, встречаемые Петром, отпирающим ворота, направлялись души умерших.

На третий день Бог сказал: *«Да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша!»*

Вода, которой было покрыто, как оказывается, все пространство, образовала моря, а на обнажившейся суше начала произрастать всякая зелень – трава и злаки.

Надо не без интереса отметить, что это не расходится с данными современной науки об образовании земли. Некоторая разница есть, но она, как говорится, в деталях.

Любопытно отметить, что мир, первоначально весь покрытый водою, в дальнейшем, когда стали говорить о «конце света», представлял в таких прогнозах опять-таки покрытым водою.

Вспомним Ф. Тютчева:

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды
И божий лик изобразится в них!

(«Последний катаклизм»)

В четвертый день Бог сказал: *«Да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и для знамений и времен, и дней и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так».* (Быт. 1: 14, 15).

Он создал также солнце и луну, чтобы они также светили на землю. *«И увидел Бог, что это хорошо».*

Здесь у читателей может возникнуть вопрос, если они вспомнят, что уже в первый день творения были произнесены слова: *«Да будет свет!»*

По этому поводу бывали споры и среди богословов. В конце концов все сошлись на том, что в первый день творения существовал как бы некий рассеянный свет, что, по мнению уже упоминавшегося Айзека Азимова, подробно разобравшего эту гипотезу, в общем не противоречит данным науки, полагающей, что так называемый Большой взрыв предшествовал, разумеется, появлению «упорядоченного» звездного неба.

Но дело, конечно, не в том, соответствуют ли иногда библейские утверждения рабочим гипотезам науки, иногда тоже не бесспорным и меняющимся с каждым новыми исследованиями, – не забудем, что мы читаем сейчас Библию по преимуществу как произведение поэтическое.

Рассеянный свет, появившийся по божьему слову в первый день творения, на четвертый день собрался, сгустился, или, выражаясь современным языком, сфокусировался в

светила, образовавшие на небе знакомый нам всем узор. В Библии сказано, что узор этот не только прекрасен, но и имеет смысл: он дает возможность измерять время и угадывать направление в пространстве и в судьбе.

В пятый день Бог создал пресмыкающихся, животных и «всякую птицу пернатую». Он их благословил и сказал: «... *плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле*» (Быт. 1: 22).

И наконец, в шестой день был создан человек. Об этом, с присущей Библии торжественностью, сказано так: «*И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею...*» (Быт. 1: 26).

Человек был создан из праха, из земли. Он был комочком красной глины, пока Бог не оживил его своим дыханием, вдунув в мертвый прах бессмертную живую душу.

А седьмой день стал днем отдохновения.

Надо, наверно, еще добавить, что шесть дней творения, как и многое другое в Библии, не следует (по мудрому совету Эразма) понимать буквально. Библейские время и пространство далеко не всегда совпадают с нашими обыденными представлениями, сложившимися тогда, когда уже были изобретены календарь, часы, то есть когда в сознании человека появилось само понятие времени. Поэтому было бы, конечно, верхом наивности предполагать, что дни творения

вершились по нашим суткам с их двадцатью четырьмя часами и по нашему солнечному или лунному календарю. Шесть дней – поэтическая условность, гигантская, великолепная и поистине божественная метафора, взывающая не к повседневным, бытовым знаниям, а к вере и поэтическому чувству, она рассчитана на потрясение – религиозное, поэтическое или просто безотчетно – эмоциональное.

Великое творение мира свершилось тогда, когда не было не только мира, но и самого времени. В Апокалипсисе сказано, что когда-то времени не было и – грозно пророчествует эта книга! – когда-нибудь, в конце света, его опять не станет...

Мысль о том, как не бывает времени (а это, может быть, самое страшное и мучительное, что может себе представить человеческое воображение), прошла через всю мировую литературу. В русской классике она с особой силой возродилась у Ф. Достоевского.

Первоначально Бог создал человека бессмертным, но, как мы увидим, драматические события, развернувшиеся в дальнейшем, лишили человека, по его же собственной вине, блаженного дара. Правда, душа человеческая так и осталась бессмертной, но, как пояснил много позднее апостол Павел, не у всех и не всегда, но это, впрочем, почти целиком стало зависеть от самого человека.

Однако здесь начинается уже следующая страница Ветхого завета.

АДАМ И ЕВА

Как уже было сказано, Бог сотворил человека из праха, из красной глины, вдунул в него душу и придал ему собственные черты. Он дал ему и имя – Адам, что дословно означает «человек».

Страницы, где описывается жизнь Адама в раю, пожалуй, одни из самых пленительных во всей мировой литературе.

В главе, где описывается райский сад, фразы словно источают легкую и нежную мелодию; все тихо, солнечно, земля уютна; деревья, цветы и злаки ласкают взор своего единственного властелина и тянутся к нему в руки. Посреди сада, разделяя его, плавно текла большая река – она питала растения влагой, от нее же исходил легкий пар, украшавший вечно голубое безмятежное небо тонкими облаками, еще не знавшими ни гроз, ни молний. В середине, отделенное от других деревьев цветущей лужайкой, стояло, возвышаясь над ними, дерево жизни, а неподалеку раскинуло широкую крону, усеянную золотистыми и румяными плодами, древо познания. Плавно огибая это священное место, река катила свои прозрачные воды куда-то далеко за пределы сада. Адам никогда не задумывался о том, куда течет столь хорошо знакомая ему река, исчезая из глаз за деревьями и кустарниками. У него не было желания узнать что-либо помимо того, что его окружало. Он даже не знал, что был счаст-

лив.

Однако, как ни странно, первый человек, олицетворяющий в наших глазах счастливое неведение, хотя и был безмятежен, но не был бездеятелен.

Как знать, может быть, человечество, припоминая в Библии свое далекое детство, просто было не в состоянии вообразить себя бездеятельным. Тысячелетия тяжкого и непрерывного труда могли и в самом деле уничтожить в его прапамяти столь несвойственное ему состояние. Так или иначе, но Библия, которую один из поэтов назвал записной книжкой Бога, тщательно отметила, что Адам трудолюбиво и радостно возделывал свой чудесный сад, ухаживал за ним, но труды его были легки и не приносили усталости. Была у него и другая важная цель, данная Богом: Адам должен был дать имена всему, что он видит – травам, деревьям, плодам, самой реке, а также всем прочим тварям: птицам, рыбам и пресмыкающимся. Гуляя по саду и давая имена, Адам увидел, что река, при своем выходе из рая, разделялась на четыре других, которые, как впоследствии, оказалось, были четырьмя главными реками мира. Одну из них он назвал Фисон, она выходила в землю, наименованную в дальнейшем Хавила, – эта благодатная земля, похожая на рай, была тогда еще не населена, и за купами райских деревьев Адам не различал ее очертаний; впоследствии люди, потомки Адама, нашли там золото, благовонную смолу, драгоценные камни, страна стала богатой и многолюдной. Вторую реку он назвал Гихон; вытекая из

райского сада, она несла свои прозрачные священные воды, а вместе с нею рыб и многих тварей в страну Куш, сделавшись там главной рекой, поскольку омывала все ее границы. Третья названа Хиддекель – потом она стала известной под именем Тигр. Эта река, которой предстояло сыграть особую роль в истории человечества, текла к Ассирии, но круто изгибалась несколько восточнее этой легендарной и не менее знаменитой в истории страны. Четвертой же рекой был Евфрат.

Сотворение Евы

Выйдя из рая, все эти реки на многие тысячелетия как

бы сохранили на себе благословение тех мест, где получили имена от первого человека. Ореол божественности до сих пор в глазах верующих незримо стоит над их водами. Даже современный пейзаж, давно утративший последние приметы райского происхождения, неспособен уничтожить очарование, исходящее уже не столько от самих вод, сколько от имен, продолжающих звучать по-особому, с поистине библейской торжественностью.

Вернемся, однако, к Адаму. Итак, он давал имена всему, что он видел. Мы уже знаем, что, по библейским представлениям, дать имя означало то же самое, что вызвать названный предмет к существованию. Бог поселил Адама в раю, где уже были и травы, и деревья, и птицы. И все же Адам (не забудем, что он был создан по образу Бога), дав имена всему видимому и слышимому, как бы окончательно утвердил мир в его существовании.

Итак, райский сад был возделан и ухожен трудами рук Адама. Он сделал даже большее – поименно назвал все сущее.

Бог разрешил ему все – растить деревья и травы, вкушать плоды, любоваться неизъяснимой красотой райского мира. Ему дано было великое счастье видеть однажды наяву то, о чем народы всей земли будут лишь грезить в своих смутно-прекрасных мифах, легендах и сказках.

Но был для Адама, как мы знаем, и запрет: он не должен был вкушать плодов с дерева познания добра и зла.

Запрет этот, судя по Библии, нимало не тяготил Адама: у него не было ни малейшего желания отведать запретных плодов, хотя и этому плоду, как и всему прочему, он тоже дал имя – яблоко.

Не зная добра и зла, пребывая в блаженном неведении, Адам, естественно, и не стремился узнать природу ни того, ни другого. Ни злу, ни добру он не мог дать даже имени, и потому они для него не существовали. То был мир без со-блазна.

Далее Библия поясняет, что Бог, видя труды Адама, решил создать ему помощника. Сад был прекрасен, но велик, даже дать имена всему, что там произрастало и цвело, летало и плавало, было делом нелегким. Как ни странно, но в библейском рассказе о райской жизни есть легкая, едва слышная практическая нота. Эта нота связана с необходимостью в помощнике.

Об этом сказано так: *«И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему...»*
(Быт. 2: 20).

Можно, следовательно, догадываться, что к моменту появления женщины вся основная работа – мужская была уже сделана.

Как в хорошем хозяйстве: дом готов, поле возделано – нужна жена.

«И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он

успнул, взял одно из ребер его, и закрыл то место плотию.

И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку...

И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились»
(Быт. 2: 21, 22, 25).

Дальнейшее известно испокон веков всему человечеству. Некий змей (а в райском саду, как известно, были и пресмыкающиеся), воплотивший в себе злое начало, соблазнил Еву отведать запретного плода с райского дерева познания добра и зла. Адам в это время спал. Когда он проснулся, Ева дала и ему откусать райского яблока.

Далее в Библии разворачивается почти жанровая сценка, кстати сказать, излюбленная многими художниками, обращавшимися к этому сюжету. Пока Ева и Адам, соблазненные искусителем, вкушали яблоко, Бог, ничего не подозревая о случившемся, ходил по раю, как сказано, «во время прохлады дня».

Съев яблоко, Адам и Ева неожиданно устыдились своей наготы и, прикрывшись листьями, спрятались среди деревьев.

Божий гнев был страшен, но справедлив. Библия особо подчеркивает именно его справедливость. В основе библейского толкования вины-греха и кары-наказания лежит понятие о нравственном табу. Есть вещи, касающиеся нравственного мира, которые должны быть незыблемы: душа держится ими точно так же, как тело костями и мышцами. Не будем

вдаваться в богословские тонкости, но все же следует признать, что библейский сюжет об Адаме и Еве, безусловно, содержит в себе мысль небесполезную: нравственные устои действительно нужны и, по правде сказать, без нравственных запретов и повелений, или, как говорил Кант, без нравственного императива, и впрямь не обойтись.

Вместе с тем, как ни относиться к господней мере наказания – считать ее справедливой, суровой или мягкой, – мы не можем не испытать к нашим прародителям чувства жалости и сострадания.

Наказание же заключалось в том, что люди, задуманные Богом как существа бессмертные, отныне и навсегда становились на этой прекрасной земле ее временными гостями. Созданные из праха, они, пройдя земной круг, должны были вновь стать прахом. Те легкие и радостные дела, которые доставляли столько счастья Адаму в его саду, что он ни разу не испытал ни усталости, ни скуки, теперь обратились в тяжкий труд. *«В поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3: 19).* Жена отныне должна рожать детей в муках.

Но и искусьитель-змей не остался без наказания – ему суждено было всю жизнь «ползать на чреве своем».

Но здесь надо добавить несколько слов о втором дереве – оно, как мы помним, стояло неподалеку от райской яблони. В истории наших прародителей дерево жизни тоже сыграло свою роль, правда несравненно более пассивную и никак не отразившуюся в их тогдашней судьбе.

Широко раскинувшее свою крону на той же цветущей лужайке, где змей-искуситель соблазнил Еву яблоком, оно никогда особо не привлекало ни Адама, ни его жену. Скорее всего, они относились к нему так же, как и ко всему остальному, что цвело и благоухало в их безмятежном саду.

Однако в зеленых листьях дерева таилась неведомая сила: то был эликсир и феномен самой жизни, ее вечно творящая и неиссякаемая энергия – семя и субстанция бытия.

Дерево жизни было способно даровать бессмертие. Адам и Ева до своего грехопадения были и сами как бы подобны дереву жизни: ведь Бог задумал их такими же бессмертными, каким был сам.

После проклятия люди стали существами, обреченными на краткий земной срок, отмеченный к тому же тяжким трудом, болезнями и страданиями.

Дерево жизни отныне стало для них запретным. Ведь по неведению или неразумению они, отведав чудодейственных листьев или просто отдохнув в его животворной тени, могли вновь стать бессмертными. И, следовательно, ничто и никогда уже не смогло бы положить конец их мукам, болезням и страданиям.

Изгнание Адама и Евы из рая.

Вот почему, изгнав Адама и Еву, Бог, движимый мило-

сердием, поставил «на востоке у сада Едемского» херувима и пламенный меч, обращающийся, как сказано в Библии, во все стороны света.

Дерево жизни, появившееся в начальной книге Библии, было, по сути, прообразом извечной и неутолимой всемирной мечты людей о победе над смертью. Ей суждено будет пройти через всю историю человечества, зажигаясь потаенным огнем в ретортах средневековых химиков, искавших «корень жизни», вспыхивая в утопиях мудрецов и мечтателей, вдохновляя поэтов всех времен и народов.

Легенда о грехопадении наших прародителей всегда имела немало истолкований, вплоть до женоненавистнических: ведь именно Ева, поддавшись коварству змея, отведала запретного плода и угостила им своего мужа. Но, пожалуй, чаще всего видели в этой печальной истории подтверждение мысли об изначальной греховности человеческой природы. Как и многое в Библии, легенда эта, разумеется, символична и потому, действительно, позволяет прочесть себя по-разному. Посмотрите, как мало в ней фигур, как мала «сценическая» площадка, как сжато и драматично действие, но как при этом огромна сила судьбы, воплощенная в образе библейского ветхозаветного Бога. Хотя история лаконична и сюжет ее предельно прост, нагладен и открыто поучителен, но стилистика мелодия, ритм фраз, образность и само наложение красок, все темнеющих и мрачнеющих к финалу, – стилистика удивительно неоднородна и разнообразна. Вначале

рассказ о пребывании Адама в раю трогателен и нежен, краски чисты, линии рисунка плавны. Подобно купам деревьев и общей гармонии, разлитой в самом изображении цветущего края с опрокинутой над ним прозрачной полусферой неба, он кажется круглым, и именно таким – круглым – изображали его древние. Но все меняется, как сказано, к концу рассказа: становится грозным язык, громогласной речь, слышны беспощадные проклятия. Счастливые обитатели рая становятся изгнанниками.

Адам и Ева – первые изгнанники мира.

Их судьбе предстояло повториться в историях не только множества людей, но и множества несчастных народов.

Таков торжественный и трагический пролог истории человечества.

Что ждало их за пределами рая – там, где текли, выйдя из райского источника, четыре реки тогдашнего библейского – мира: Фисон, Гихон, Тигр И Евфрат?...

То были, по рассказу Библии, благодатные земли, лежавшие близко от рая, но они требовали от первых людей тяжкого труда «в поте лица своего».

КАИН И АВЕЛЬ

В Библии ничего не говорится о том, как жили Адам и Ева после своего изгнания из рая.

Известно лишь о необыкновенном долголетии Адама, прожившего 930 лет. То неединственный случай такого долголетия, и мы еще не раз встретимся на страницах Библии со старцами, чей возраст исчислялся несколькими веками: так, Сиф жил 912 лет, его сын Енос – 905, Каинан – 910, Малелеил – 895, Иаред – 962 года, Енох – 365 лет, Мафусаил – 968 лет, Ламех – 777.

Обычно то был знак особого благорасположения божественных сил, дарующих человеку могучую и разумную старость.

Судя по долголетию, каким был отмечен Адам, Бог не только покровительствовал ему, но и был доволен праведным, надо думать, образом его жизни.

В каком возрасте умерла Ева, осталось неизвестным. Но зато всем известны имена их детей – особенно

Каина и Авеля. Был, однако, и третий сын – Сиф (тот, что прожил 912 лет), дарованный Адаму и Еве как бы в утешение сразу после гибели Авеля; были также и другие сыновья и дочери, а также, само собой разумеется, множество внуков.

Если легенда об Адаме и Еве, их жизни в раю, грехопадении и изгнании представляла собою как бы предысторию че-

ловечества, его младенчество и неразумное отрочество, оборвавшееся, как мы видели, самым печальным образом, то с Каина и Авеля начинается, увы, та история, что обагрена кровью и преступлениями, длящимися по сей день.

Вот почему так исключительно важен этот трагически поучительный сюжет о том, как брат убил брата. Не случайно к нему прикасались едва ли не все художники, поэты и философы мира.

В истории человеческой культуры само имя Каина стало нарицательным. Как знать, может быть, именно это убийство и было подлинным грехопадением людей, навсегда отмеченных с тех пор несмываемой «каиновой печатью»?

Между тем при всей чрезвычайной важности истории о Каине и Авеле многие ее подробности, в том числе и существенные, в Библии не приводятся.

Впрочем, и во множестве других случаев эта книга всегда оставляет немало простора для воображения, догадок, разных аллюзий и параллелей.

Своеобразная фрагментарность Библии, даже ее «конспективность» является, как ни странно, и ее важнейшей художественной силой, каким-то нелегко объяснимым источником ее могучей выразительности.

Наверно, это покажется парадоксальным, но Библия, при ее внешней огромности, одна из самых кратких и лаконичных книг в мире. Особенно если учесть, конечно, колоссальный размах ее хронологии, вместившей в себя время, почти

граничащее с вечностью.

Пропуски и туманности в изложении событий придают библейскому эпосу странный и только ему одному присущий «ландшафт»: перед нами, в сущности, разворачивается панорама колоссальных руин, величественных обломков, нагромождения камней и глыб, то близко, то далеко разбросанных друг от друга поистине самим Временем. Это разбитая на части и все же по своему целостная и достаточно легко читаемая коллективная память человечества.

В своих монументальных фрагментах, фресках и горельефах Библия итожит и пророчествует – рассказывает о былом (действительно бывшем или воображенном) и предупреждает о бедах. Надо признать, что при всех пропусках и пунктирах Библия – на своем условном и символическом языке, посредством мифологических образов и аллегорий – рассказала о человечестве нечто очень важное и необходимое.

Вернемся, однако, к братьям – Каину и Авелю. Некоторые толкователи библейских текстов считают, что они были близнецами; иные, напротив, полагают, что Каин был намного старше, что он, по некоторым подсчетам особенно дотошных библеистов, родился, когда его отцу, Адаму, было 130 лет, а Авель появился на свет примерно лет на 30-40 позже.

Имеет ли это обстоятельство какое-либо отношение к смыслу библейского рассказа?

Отчасти, по-видимому, имеет, так как если Каин в самом деле намного старше Авеля, то он и хронологически и жи-

тейски находится, так сказать, намного ближе к поро «грехопадения» своих родителей и, следовательно, первородный грех в большей, а может быть, и в роковой мере сказался на его личности. Такая гипотеза по-своему привлекательна тем, что она отчасти «психологизирует» и библейский текст, и всю эту братоубийственную ситуацию, во всяком случае как-то объясняет ее: преступление Каина, похоже, было как бы предопределено (чуть ли не по-фрейдовски), оно жило и бродило в его смутном сознании, в его, как мы сейчас бы сказали, генах, было запрограммировано.

В Каине – как образе и персонаже – вообще чувствуется известный психологизм. Это уже не та условная фигура, какими были Адам и Ева.

Уже одно то, что он приносит дар Богу, не желая поднять глаза, как бы нехотя, словно исполняя некую формальность, которая ему уже поднадоела, – уже одно это делает его достаточно живым. В его независимости и сердитой позе есть несомненная характерность и колоритность.

Напомню, что они приносили жертву Богу одновременно: Каин, будучи земледельцем, принес плоды возделанной им земли, а пастух, и скотовод, и, по-видимому, кочевник Авель отдал Богу лучших животных из своего стада.

Бог благосклонно принял жертву Авеля, но отринул приношение Каина, поскольку оно было сделано без должного чувства.

В Библии об этом сказано так:

«Каин сильно огорчился, и поникло лице его.

И сказал Господь Каину: почему ты огорчился? и от чего поникло лице твоё?

Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним...» (Быт. 4: 5, 6, 7).

По складу своего грубого характера Каин не мог понять, чем же овцы Авеля лучше в глазах Бога, чем плоды возделанной им земли. Он искренне считал Бога несправедливым. По его разумению, внешнее поведение (не поднял глаз) не имеет никакого значения.

Каин, в сущности, первый протестант в длинной истории религиозных движений – он против формы и ритуала. Правда, от будущих протестантов его отличает поразительная духовная скудость, равнодушие и холодность к Богу и к вере. Как знать, может быть, он не столько протестант, сколько родоначальник будущих богоборцев и еретиков – особенно из числа тех, что были способны на жестокость и коварство.

«И сказал Каин Авелю, брату своему: [пойдем в поле}. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Быт. 4: 8).

Бог наказал Каина изгнанием с родной земли. Значит, уже и в те времена такое наказание считалось одним из страшнейших. Диалог между Каином и Богом исключительно выразителен и драматичен. Каин вначале стремится увильнуть от прямого вопроса: *«Где Авель, брат твой? Он сказал: не*

знаю; разве я сторож брату моему?» (Быт. 4: 9).

Убийство Авеля.

Он еще полагает, что любое преступление можно скрыть. Библия настаивает на том, что ни одно из преступлений не может всегда оставаться тайной. Это важный моральный постулат. Он придает библейской сцене глубокую поучительность.

Вспомним снова, что говорил о Библии Эразм Роттердамский: в библейских рассказах ценна аллегоричность, иносказание, притчевость.

Притча о Каине и Авеле прошла через века и тысячелетия – она постоянно напоминала человечеству о необходимости добра, о неотвратимости наказания за зло.

Наказание изгнанием, судя по библейскому рассказу, сломало если не волю, то гордыню Каина. Отправляясь в путь, он понимает, что на нем лежит печать содеянного зла. Всякий, кто встретится со мною, говорит он Богу, убьет меня. Нет, слышит он в ответ, каждый, поднявший руку на Каина, будет наказан, ибо кара Каина состоит еще и в том, что он в своем зле и муках обречен на тягостное бессмертие.

Вспомним в связи с этим о милости, оказанной Адаму и Еве, – судьба уберегла их от бесконечности существования, от непрерывности болей и страданий.

Бессмертный Каин, несущий в себе зло и готовность к преступлению, – зловещий образ.

Все же судьба его сложилась несколько иначе. Уйдя от родных мест далеко на восток, в землю Нод, весьма отдаленную от Едема, Каин «познал жену», родил сына Еноха (того самого, что прожил 365 лет), построил город, назвав его именем сына. Считается, что Каин, первоначально обреченный на бессмертие, все же погиб, – он был случайно убит своим внуком, принявшим его во время охоты за дикого зверя.

Во время всей этой долгой истории Адам был еще жив. Более того, Бог послал ему в утешение сына Сифа; об этом уже говорилось.

От Каина и от Сифа пошли многочисленные поколения: от первого – отмеченные грехом, а от второго благонравные и богобоязненные.

Но, рассказывает Библия, к сожалению, вышло так, что люди, невероятно размножившись и расселившись по разным местам, перемешались между собою настолько, что в каждом новом появлявшемся на свет человеке были задатки и Каина и Сифа. Человеческая природа сделалась противоречивой, сотканной из добра и зла, из света и тьмы. Раздираемый противоречиями, человек стал грешен и глубоко несчастен. В этом отношении Каин оказался бессмертным. Правда, вечно живую была и ветвь, зеленевшая от Сифа.

ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП

Среди чуть ли не вконец испортившегося и развратившегося человеческого рода

встречались, конечно, и благочестивые люди. Среди них выделялся Ной, что, впрочем, было и, неудивительно, так как он и его род шел по прямой линии от Сифа и, судя по всему, вряд ли соприкасался с потомками Каина.

Бог в своем праведном гневе на людские пороки, распространившиеся по всему миру, не мог не оценить таких людей, как Ной. Впрочем, Ноя нельзя было ставить в один ряд с другими: он был настоящим исключением даже среди наиболее чистых и последовательных приверженцев божьих заповедей.

Решив истребить человеческий род за его пороки и злонаравие, Бог решил оставить в живых именно Ноя. От этого человека должны были пойти новые люди, лишённые скверны и преисполненные добра. Каиново семя должно было навсегда исчезнуть, а от ветви Ноя возникнуть и размножиться новое человечество на новой земле. Вполне возможно, что, очистившись от греха и от самой памяти о былых прегрешениях и преступлениях, новые люди стали бы жить в мире, подобном утерянному Едему.

Извечная мечта человека о райской жизни под безмятежными небесами, как видим, вновь забрезжила в потемках до-

исторического – допотопного – времени.

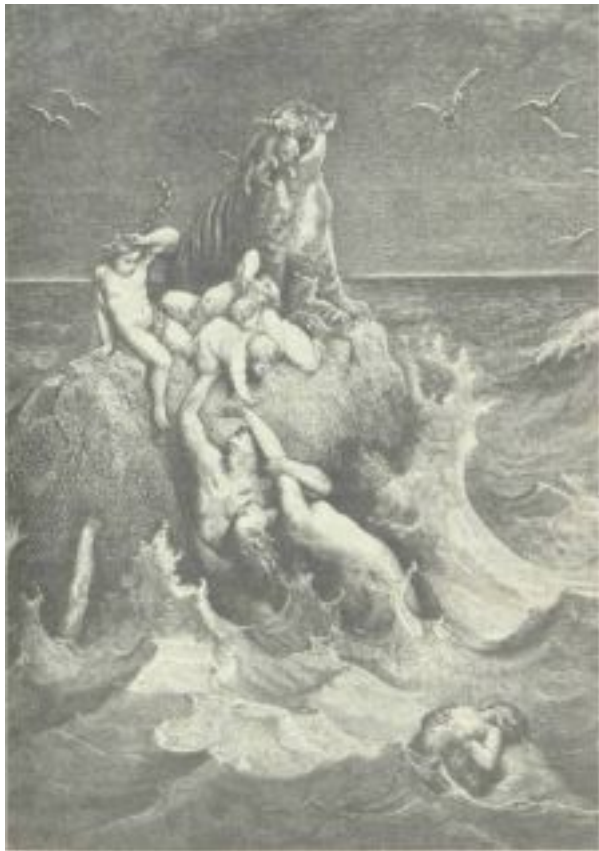
Мечте этой предстояло видоизменяться, приобретать разные формы, стать уделом мечтателей, поэтов, лечь в основу многих утопических и философских систем; в длинной веренице столетий она порой почти пропадала, сменяясь отчаянием, скепсисом и безверием, чтобы затем снова и снова воскресать подобно фениксу из холодного пепла.

Решив истребить человеческий род, Бог, однако, сомневался в справедливости своего жестокого намерения. Он дал людям отсрочку и ждал еще сто двадцать лет, надеясь на людское благоразумие. В Библии, когда идет речь об отсрочке, ничего не говорится, были ли какие либо знамения, предупреждавшие людей о предстоящей катастрофе, которую они еще могли отодвинуть собственными соединенными усилиями. Но поскольку дело шло о приближении всеобщей – всемирной – гибели, то, надо думать, в знамениях и предупреждениях не было недостатка.

Сегодня эти библейские страницы о предстоящей тотальной катастрофе читаются с особым чувством. Не повторяется ли история? И если даже согласиться с теми, кто считает всю эту историю чистейшим мифом, выдумкой от начала и до конца, – все равно какая-то переключка между «состоянием мира» перед потопом и нашей сегодняшней всемирной тревогой неотвязна и в основе своей злободневна и поучительна. Лишь соединенные усилия людей доброй воли могут отодвинуть или предотвратить угрозу новой вселенской ги-

бели.

Как известно, многие научные разыскания подтвердили, что катастрофическое поднятие вод в глубокой древности действительно происходило. Об этом говорит и фольклор многих и многих народов, удивительно сходно подтверждающих факт великого потопа, зафиксированный в Библии. Всех желающих ознакомиться с преданиями народов о всемирном потопе, можно отослать к вышедшей недавно энциклопедической книге «мифы народов мира», а также к уже упоминавшемуся труду Джеймса Джорджа Фрэзера «фольклор в Ветхом завете». В частности, Дж. Фрэзер доказывает, что древнейшей легендой о потопе является вавилонская, но что иона; при всей своей древности, восходит к еще более старому источнику, исходящему от предшественников вавилонян – шумеров. В легенде упоминается и корабль, на котором спаслись от потопа несколько человек, захвативших с собою домашних птиц и четвероногих.

Сцена потопа.

Не будем, однако, вдаваться в утомительные подробности,

тем более сравнивать различные предания и их версии, – все это давно уже сделано, проанализировано и расклассифицировано учеными (археологами, библеистами, фольклористами, этнографами и историками), а обратимся непосредственно к библейскому сюжету.

Итак, ста двадцати лет, данных для отсрочки и для того, чтобы Ной, с присущим ему авторитетом, мог убедить людей в необходимости исправиться, – этих ста двадцати лет оказалось недостаточно. Ничто не изменилось ни в человеческой природе, ни в отношениях между людьми. Уже на грани своего, казалось бы, неистощимого терпения и милосердия, Бог дал людям еще один, насей раз очень краткий, всего лишь недельный срок: то был поистине последний шанс, и, надо думать, Ной, конечно, не преминул вновь обратиться к хохочущим зевакам, ленивцам и нечестивцам, постоянно окружавшим участок городской земли, где постепенно, но быстро возводился его корабль, со словами укоризны и увещевания. В оставшиеся считанные дни ковчег должен был быть полностью готов к отплытию.

Знамения, появившиеся в последнюю неделю, не оставляли никакого сомнения в приближившейся катастрофе: солнце восходило на западе и заходило каждый вечер на востоке.

Увы, и этот очевидный и зловещий знак никого так и не привел в чувство: благоразумие явно покинуло людей. Город по-прежнему жил беззаботной, веселой и распутной жизнью, горели праздничные огни, шумели оргии...

Насмешки и глумления над Ноем, явно торопившимся к отплытию, хотя его корабль стоял на суше и обдувался жарким зноем близкой безводной пустыни, даже усилились. В глазах толпы он был сумасшедшим. Стоял зной, небо казалось белесым, бродили миражи, не было ни капли дождя. При этом Ной продолжал строить свой корабль с еще большей поспешностью: он полностью осознал великое предназначение необыкновенной судьбы, выпавшей именно на его долю.

О том, как надо строить корабль, будущий мореплаватель, никогда не видевший моря, знал из одной очень старой священной книги, хранившейся, как сказано в Библии, еще у Адама, а также внимал конкретным советам Бога, руководившего его трудами.

Можно предположить, что знаменитый Ноев ковчег был огромен по своим размерам и хитроумен по конструкции. Считается, что его длина равнялась 150 метрам, ширина – 25, а высота – 15 метрам. По своим размерам он соответствует современному супертанкеру. В 1609 году некто Петр Янсен построил в Голландии его модель в натуральную величину, чтобы убедить, что ковчег соответствовал своему назначению.

Можно также догадаться, что, скорее всего, корабль строился на суше, даже не на берегу, поскольку ни реки, ни моря поблизости не было, а чуть ли не в городе или на его окраине. Город был окружен пустыней.

Морской корабль, едва ли не заносимый песком, раскаленный настолько, что смола стекала с его обшивок, представлял собою, наверное, и впрямь фантастическое зрелище из бредового сна.

Ной и сыновья были уже черны от зноя, исхудали от непосильного труда, они еле держались на ногах, но сроки приближались, шла последняя неделя перед неведомым мореплаванием по миру, залитому водой.

Постепенно настроение толпы, окружавшей корабль Ноя, менялось. Ковчег возводился с такою тщательностью, так продуманно, по каким-то, несомненно, выверенным, хотя и неведомым, чертежам, так старательно просмаливались его борта и днище, что все это не могло не наводить на тревожные раздумья.

Так ли уж безумна затея Ноя? Нет ли здесь божьего соизволения? Вот что стало приходить в голову многочисленным зрителям, еще недавно покатывавшимся со смеху.

А, кроме того, невероятное обилие животных, зверей, птиц и всякой твари, ежедневно погружаемых в бездонные трюмы трехъярусного корабля, — это ведь тоже о чем-то говорило?... И, наконец, сколько корма, питьевой воды в бесчисленных бочонках, а также мешки, ящики, тюки и всякое домашнее имущество, вплоть до кухонной утвари! Все хозяйственно и предусмотрительно, без забывчивости, но спокойно и ловко грузилось и грузилось на судно, и не было конца его разнообразному снаряжению.

И, наконец, стало видно, что, набитое до отказа, оно полностью готово к отплытию.

Ной, сыновья и их жены взошли на корабль и, поклонившись народу, подняв руки к небу, а затем, молитвенно опустившись на колени, свершили последний прощальный ритуал.

Они подошли к тяжелым брусам широких ворот, от которых уже были убраны сходни, и медленно задвинули их, навсегда скрывшись из глаз людей.

В то же время солнце медленно взошло на западе, но тут же стало быстро заволакиваться клубящимися тучами. По многотысячной толпе, дотоле безмолвно, уже без насмешек, наблюдавшей, как Ной закрыл ковчег, прошел ропот, слышались испуганные вскрики, раздались плач и стенания. Косые солнечные лучи еще пробивались сквозь разрывы мрачнющих облаков, но тьма уже распространилась по земле. Толпа ринулась к ковчегу. Библия свидетельствует, что штурмовавших Ноев корабль было около семидесяти тысяч. Увы, все было тщетно. Страшный ливень из разверстого неба сплошной тяжелой стеной обрушился на землю. Его шум заглушал все.

Внутри ковчега все собрались вокруг зажженного светильника. Ной благословил семью, а также всех живых тварей, находившихся в нижних помещениях, и растения, и цветы, и горсть земли, когда-то, по преданию, унесенную на ногах Адама и Евы из благословенного рая. Но напутствен-

ных слов Ноя не было слышно – все гудело и сотрясалось от потоков воды и раскатов небывалого грома.

И вот корабль дрогнул, качнулся, накренился светильник, задвигались по стенам высокие тени одиноких во всем мире путешественников – началось плавание: предначертанное свершилось.

Когда через несколько дней Ной решился открыть окно, он увидел безбрежную водную гладь и восходящее на востоке – на востоке! – солнце. Движимый сильным течением, ковчег стремительно шел в сторону солнца там, далеко, возле гор Араратских, должна была начаться новая история человечества.

Долго ли плыл ковчег по хлябям морским?

Если учесть, что, как сказано в Библии, «продолжалось на земле наводнение сорок дней» (Быт. 7: 17), а вода убывала сто пятьдесят дней и первые «верхи гор» показались на десятый месяц, а потом прошло еще сорок дней, пока Ной, наконец, решился открыть окно, то со времени отплытия минул, по-видимому, едва ли не год. Тем более, что, открыв окно, Ной еще не увидел никакой земли и для проверки выпустил ворона, который, как сказано, «вылетев, отлетал и прилетал», так как нигде не мог опуститься на сушу. Потом Ной выпустил голубя. Нои голубь «не нашел места покоя для ног своих и возвратился к нему в ковчег; ибо вода была еще на поверхности всей земли...». Далее в Библии следует очень трогательная, живая и выразительная деталь: Ной «простер

руку свою, и взял его (голубя), и принял его к себе в ковчег» обратно. Прошло еще семь томительных дней. За это время силы и Ноя и всех, кто находился в ковчеге, уже почти иссякли. Впоследствии сын Сима (внук Ноя) рассказывал слуге Авраама Елиезеру, что больше всего хлопот доставляли Ною заботы о том, чтобы всех – и людей, и особенно крупных хищных животных, а также птиц и рыб – накормить вовремя, – ведь все должны были прибыть на сушу в целости и сохранности, чтобы продолжить земную жизнь во всем многообразии и живом многоцветье ее проявлений. Ковчег, словно в миниатюре, сохранял в себе буквально все, что существовало на земле до потопа. Ною выпала редкостная и священная роль хранителя всего сущего. В своем ковчеге он был прямым посланцем Бога и стремился выполнить все его предначертания с тою же точностью, с какою строил свой необыкновенный корабль. И вот, помедлив еще семь дней, он выпустил голубя через окно во второй раз.

А надо сказать, что верхи Араратских гор уже обсохли от воды и Ноев ковчег, зацепившись днищем, прочно стоял на камнях будущей Армении. И все же вокруг Араратских вершин, насколько хватал глаз, простиралась водная гладь. Правда, вода быстро сходила, она крутилась быстрыми смерчами, заворачивалась в водовороты, грозно шумела, но крутой каменистый склон обнажался все больше и больше.

Все ждали возвращения голубя. Ведь, даже найдя сушу, эта птица, издревле приученная возвращаться к пославшему

ее человеку, должна была вернуться. Прилетит ли голубь измученным или же принесет в добрые руки Ноя какую-либо весть? Настал час и *«голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот, свежий масличный лист во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли»*(Быт. 8:11).

Однако и на сей раз осторожный Ной помедлил. Он решил снова выпустить голубя, рассчитывая, что если земля пригодна для жилья, то уставший голубь тотчас начнет вить гнездо, поджидая свою голубку, и ему просто некогда будет возвратиться в ковчег. Разве не так же поступает и человек, изнемогший в изгнании и лишениях? Ему нужны стены и крыша, надежный и теплый кров, чтобы продолжить род свой.

Ноев ковчег

Кстати сказать, масличная (или оливковая) ветвь, прине-

сенная голубем в клюве, стала с тех библейских времен символом мира и добра.

Что же Ной?

Он еще помедлил. Шел, однако, уже двадцать седьмой день, как его корабль остановился на горах Араратских. Ной вышел наконец из ковчега, а с ним вышли жена, три сына, а также их жены – все были истощены, измотаны скитаниями, но здоровы и радостны. Вышли и все звери, тотчас разбежавшиеся по лесам, и козы, и овцы, и всякий другой скот, вылетели и защебетали птицы, уползли по влажным мхам гады, в прозрачных горных ручьях зарезвилась форель. Земля была умыта, радостна и согрета солнцем. Над Араратом синело безмятежное небо. Может быть, Ной вспомнил в эту минуту, когда, благословив землю, он опустил на ее мягкие травы, еще-свежие для него предания об Едеме – земном рае, где жили Адам и Ева. Земля, на которой мирно стоял его опустевший ковчег, была поистине райской. Но это был другой рай: он требовал от человека «труда в поте лица своего».

Благословенный Ной помнил и чтит эту заповедь. Он, как сказано в конце библейской истории о потопе, «начал возделывать землю и насадил виноградник».

После потопа он жил еще триста пятьдесят лет.

Отплыв в ковчеге шестисотлетним крепким старцем, он умер в праведных трудах, будучи девятисот пятидесяти лет от роду.

Такова история Ноя – одна из величайших и поучитель-

нейших легенд человечества.

...Трудно представить; сколько поколений читало или слушало этот рассказ, пришедший из непроглядно темной, поистине непредставимой – допотопной – глубины времен!... Воспринимали его по-разному: одни с трепетным чувством глубокой религиозной веры, другие – с детски простодушным изумлением, иные – как волшебную сказку. Что же касается ученых, то они по крупицам, рассыпанным в мифах разных народов, пытались и пытаются найти подтверждения реальности грандиозной катастрофы, возможно действительно происшедшей в Ноевы времена. Сейчас мы не будем останавливаться на результатах таких изысканий – единого мнения пока нет. Гораздо важнее другое – общечеловеческий смысл и самой легенды, и образа Ноя.

Ведь какой поистине библейский – вселенский – размах: во времени, в пространстве, в характере! И как величественна сама цель, вставшая перед Ноем, этим спасителем человечества: он должен был сохранить живую человеческую ветвь и донести ее в своем ковчеге неповрежденной, чтобы жизнь, оборванная тотальной катастрофой, началась снова.

В наши дни легенда о Ное звучит неожиданно свежо и чуть ли не злободневно.

Разве и теперь, как когда-то, мир не стоит на самой кромке гибели – всеобщей, всемирной, как перед потопом? И разве мы, в отличие от всех предшествующих поколений, не ощутили себя, неожиданно и трагично, как бы полу обречен-

ным экипажем небольшого хрупкого корабля, имя которому Земля? Не случайно первые же космонавты удивились малости и хрупкости нашей планеты.

Ной сумел провести свой корабль целым и невредимым. Верность долгу перед человечеством – вот что главное в этой личности.

В благодарность Ною, свершившему истинный подвиг во время своего великого плавания, Бог обещал, что его потомки никогда более не будут знать подобных бедствий.

И как когда-то во времена Адама и Евы он повелел людям и тварям плодиться и размножаться. Бог разрешил человеку есть не только плоды земли, зелень и фрукты, но и мясо животных.

Однако был и запрет – великий и окончательный, от выполнения которого зависело все, в том числе и само существование людей: отныне и навсегда запрещалось проливать кровь человеческую. Убийство – каинов грех, не прощаемый, несмываемый и позорный.

В ознаменование завета, данного Ною и всем его потомкам, была создана радуга. Каждое ее появление в небесах являлось напоминанием о необходимости мира и любви в человеческом общежитии. Возникавшая после благодатного дождя или грозы, радуга была подобна праздничным вратам в прекрасную жизнь – без крови, убийств и распрей.

К истории Ноя следует еще добавить, что не все было безмятежно в его праведной жизни после потопа. Однажды он

изведал незнакомого ему дотоле виноградного сока из выращенной им в солнечной Араратской долине лозы и крепко уснул, размороженный жарой и вином. Он спал под пологом шатра обнаженным. Один из сыновей Ноя, недалекий Хам, увидев отца, стал смеяться и позвал братьев, чтобы позабавиться вместе. Но братья, Сим и Иафет, не только не засмеялись, но, целомудренно отвернувшись, осторожно прикрыли отца легкой тканью.

Так, уже в этой легенде возник прообраз будущей Заповеди, о которой через тысячелетия после истории Ноя сказал Иисус Христос в Нагорной проповеди: «Чти отца своего...». Уважение к предкам, к предшествующему опыту, а значит, добавим мы, и к урокам истории – важнейшая общечеловеческая заповедь. Сколько раз нарушало ее человечество, и всегда это оборачивалось бедой и неисчислимыми потерями: уничтожалась память, воплощенная в слове, в камне, в звуке. Заповедь о почитании родителей, в этом смысле, есть подлинная охранная грамота человечества.

Ной, узнав о поступке Хама, сильно разгневался и, благословив его братьев, обрек потомков Хама быть рабами «у братьев своих».

Иногда говорят, читая это место Библии, что гнев Ноя чрезмерен, но он лишь кажется таким, если воспринимать его по-житейски, не в библейских масштабах.

Если же иметь в виду не просто поступок неразумного человека, каким оказался Хам, а грандиозность роковых по-

следствий в том историческом смысле, когда «хамство» перейдет из поколения в поколение, то есть если помнить, что Ной держал в своем сердце заботу не столько о своей семье, сколько о семье человечества, то его возмездие, его страшное проклятие уже не покажется чрезмерным.

Увы, Хам и его потомки оказались долговечнее заботы и тревоги Ноя. Потомство Хама размножилось и разошлось по всей земле. Но, как и предсказал Ной, «хамство» навсегда сплелось с рабством, они неразъединимы.

История литератур и искусств всех народов знает немало героев и мучеников, страстотерпцев и рыцарей, неколебимо верных долгу, призванию и вере.

И все же в начале этой прекрасной галереи возвышается фигура Ноя – легендарного строителя человеческого корабля жизни.

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ.

Шли годы и десятилетия. Потомки Ноя размножились, им стало тесно в долине Арарата и даже в прилегающих просторных землях. Шатры и постройки приходилось ставить близко друг от друга. Семьи

были очень большие, и каждая держала тысячи голов скота. Стало явно не хватать пастбищ и угодий.

Тогда, по совету старейшин, часть народа решила двинуться на восток. По слухам, именно там, особенно в долине Сеннаарской и еще дальше (в направлении к современному Ираку), лежали нетронутые земли, защищенные от холодных северных ветров горами и нагорьями. Места были настолько хороши, что, опять-таки по слухам, именно там находился некогда рай, навсегда исчезнувший после потопа.

Все потомки Ноя, жившие в Араратской долине, говорили к моменту *своего* отселения на одном языке. Близкое соседство, многочисленные родственные отношения помогали сохранять общую речь, которая, по преданию, была точно такой же, что и во времена, предшествовавшие потопу.

Но все же постепенно в памяти стирались не только детали легендарного плаванья, разные подробности и эпизоды, но, к несчастью, забылся карающий и предупреждающий смысл великой всечеловеческой катастрофы. Почти никто уже не вспоминал о запрете проливать человеческую кровь.

Особенно укоротилась память у тех, кто переселился на новые места. Невозможно было найти человека, помнившего о торжественном обещании Бога не насылать на людей нового потопа.

Вавилонская башня.

Радугой теперь любовались просто как красивым зрелищем, начисто забыв, что она – многоцветный символ, вознесенный над землей именно как высокий памятный знак.

Ной был прав, когда заботился о сохранении людской памяти и наказал, как мы уже видели, потомков Хама, набросив долгую тень презрения и рабства на все их поколения.

Характерно, что именно один из потомков Хама – некий Нимврод – уговорил своих соплеменников построить высокую башню, которая, по его словам, могла бы служить убежищем в случае крупных наводнений. За строительство, поддавшись уговорам, взялись, тем более что к тому времени жители этих мест уже обзавелись и рабами и пленными.

Наличие пленных выразительнее всего свидетельствует о том, что кровавые распри и войны уже шли между отдельными племенами и что, следовательно, завет о не пролитии человеческой крови постоянно нарушался.

Вначале строительство башни сильно тормозилось из-за того, что в Сеннаарской долине, обширной и тщательно обработанной, плодородной и мягкой, почти не было камней. Жители возводили свои постройки из глины, обмазывая ею тростниковые каркасы. Известная польза от строительства Вавилонской башни заключалась в том, что, хотя она, как известно, и не была достроена до конца, люди вынуждены

были делать «камни» из самой глины, то есть научились обжигать кирпичи. Известно, правда, тогда не знали и вместо нее употребляли смолу.

Как и в других случаях, мы сейчас не будем вдаваться в данные исторической и археологической науки, которая пришла к выводу, что строительство башни на месте древнего Вавилона действительно, как говорится, «имело место». Найден фундамент и в соответствии с ним вычислена ее предполагавшаяся высота – 90 метров. Подтвердились мнения и о том, что на строительстве этого самого печально знаменитого сооружения древности использовался труд рабов и пленных разных национальностей. Кстати, само название города «Вавилон» означало на древнееврейском языке процесс смешения («балал»). Многоязычная масса людей, строившая гигантскую башню, то и дело натывалась, как сейчас говорится, на языковые барьеры, что, конечно, затрудняло стройку, несмотря на множество толмачей-переводчиков.

Но, как уже сказано, нам важнее сейчас не результаты историко-археологических разысканий, а глубинный, поистине библейский, общечеловеческий смысл всей этой поучительной истории.

А смысл заключается в том, что ни глина, хотя бы и превращенная в прочные кирпичи, ни смола – ничто! не могли заменить материала, на котором только и сумела бы вознестись и устоять эта башня: не было людского единства и человеческого взаимопонимания.

Увы, эта проблема – необходимость единства и взаимопонимания между различными народами – остается, как говорится, открытой и неразрешенной по сей день.

Из далекой мглы веков Библия на своем торжественном языке, с помощью гигантских образов-символов, предупреждает и учит: только соединенные усилия, взаимопонимание и любовь могут помочь человечеству в строительстве его жизни, в осуществлении самых дерзновенных замыслов.

Что лежало в основании Вавилонской башни? Библия всем ходом своего повествования отвечает: гордыня, тщеславие и неблагодарность. Именно за это и были наказаны ее строители жестоким и роковым разделением и смешением языков.

ИСТОРИЯ АВРАМА

После того как жители Сennaарской долины перестали понимать друг друга, сколько-нибудь нормальная, привычная жизнь оказалась совершенно невозможной. Полная неразбериха, толчея, непонятные друг для друга раздраженные выкрики, ссоры и кровавые драки стали повседневным явлением. Растерянность, испуг и уныние были написаны на всех лицах. Никто уже не думал продолжать строительство, и рост гордой башни к небу сам собою прекратился. Работы не возобновились даже и тогда, когда постепенно выявились отдельные группы жителей, говоривших, как оказалось, на одинаковом языке, так как большие группы стали тотчас главенствовать над маленькими, высокомерно унижать их, смеяться над их странными словами, дразнить и даже обращать в рабство.

Мирная и цветущая долина превратилась в поле войны всех со всеми. Никто больше не возделывал землю и не собирал урожай.

Начался исход из долины Сennaарской – пожалуй, самый первый из всех известных нам крупных исходов. Сначала двинулись в путь полузакабаленные, бесправные, отчаявшиеся и несчастные мелкие племена, – по сути, это были беглецы, беженцы, но за ними, потеряв интерес к опустошенной земле, лишившись части сбежавших рабов и слуг, по-

тянулись и крупные. Тяжело нагруженные повозки, богато изукрашенные колесницы, вельможи, жрецы, ремесленники, воины, погонщики скота, бесчисленные стада овец, вздымая пыль, сутками тянулись из городских ворот, оставляя улицы и жилища, обжитые дома и обширные виноградники на гибель от близкой пустыни.

Вавилон опустел. Постепенно осела и разрушилась башня. Ветры и дожди, жестокие ураганы и пустынные смерчи сравняли и башню, и весь окружавший ее некогда великолепный и знаменитый город с землей.

...И снова пошли годы и десятилетия. Менялись поколения. Почти никто не помнил о Вавилоне.

Через восемнадцать поколений – из тех, что шли по прямой линии от благонравного Сима, дарованного, как помним, Адаму и Еве после гибели Авеля, – через восемнадцать поколений родился Аврам – человек, на котором сам бог остановил свой выбор.

В истории своего народа, тоже вышедшего когда-то из Сеннаарской долины, Авраму была суждена поистине великая роль.

Вначале Аврам вместе со своим отцом Фаррой, братьями Нахором и Араном жил в халдейском городе Уре.

Сейчас об этом городе наука – в результате многочисленных археологических раскопок – располагает достаточно разнообразными сведениями. Во всяком случае можно сказать, что жизнь семейства Фарры и дальнейшая судьба Ав-

рама относятся уже к исторически определенному периоду, а именно примерно к XVIII или к XVII веку до н. э. Нет никаких оснований отрицать, что и Фарра и Аврам – исторические лица, вышедшие из Ура халдейского.

Можно предполагать, что семейство Фарры было одним из богатейших в Уре. Его богатство зиждилось прежде всего на владении тысячными стадами скота. В недалеком прошлом предки Фарры, в том числе и его отец в молодости, были кочевниками. Оседлая жизнь началась для них сравнительно недавно, и потому многое в их быту напоминало о пастушеском прошлом: не только многочисленные вещи, связанные с недавним кочевым образом жизни и бережно сохранившиеся в доме как реликвии, но во многом и само миропонимание, в частности особый медитативный склад души, сформированный огромными пространствами и постоянным созерцанием звездного неба. При всем своем богатстве и даже роскоши Фарра сохранял аскетические привычки кочевника скотовода, привыкшего к суровой жизни. К скромности и трудолюбию приучил он и своих детей – Аврама, Нахораи Арана. Они никогда подолгу не жилали в богатом доме своего отца, проводя много ночей и дней вместе с погонщиками скота на далеких пастбищах.

Ур, судя по раскопкам и историческим данным, был тогда многонаселенным и богатым городом, имевшим едва ли не тысячелетнюю историю. Его хорошо знали во всех окрестных землях и охотно торговали с ним. Многочисленные ка-

раваны, нагруженные разнообразными товарами, постоянно появлялись в городских воротах, располагались на площадях, запруживали узкие, всегда оживленные улицы.

Культура города была очень высокой.

Жители, в том числе, разумеется, и семейство Фарры, поклонялись богу Луны – в честь божества высоко над всеми городскими постройками возвышалась пирамида, напоминавшая по своей конусообразности Вавилонскую башню. На самой вершине находилось святилище Наннар Син. К башне временами тянулись торжественные процессии, возглавляемые жрецами в ослепительно белых одеждах, за ними шли мужчины в своих красных юбках с поперечными голубыми полосами и стража, с мечами и высоко поднятыми сверкающими на солнце копьями.

Семейство Фарры покидает город Ур.

До сих пор является загадкой, почему Фарра вместе со

своим семейством неожиданно покинул Ур. Некоторые ученые полагают, что изменился климат, стали заболачиваться пастбища. Многочисленные каналы, отведенные к Евфрату и всегда тщательно поддерживавшиеся в идеальном состоянии, будто бы уже не могли спасти город от загнивавшей воды, вызывавшей лихорадку. Другие указывают, что древний УР всегда был сладостной приманкой для завоевателей, неоднократно нападавших на него и периодически предававших жестокому опустошению. Известно, что в XVIII веке до н. э. этот город покорил вавилонский царь Хамураппи, но жители тогда восстали. Борьба с войсками Хамураппи, неоднократно возвращавшимися к Уру, была, однако, изнурительной и в общем безуспешной. Хотя город не раз оправлялся и жизнь в нем восстанавливалась, археологические раскопки подтверждают, что размеры бедствий, принесенных Уру царем Хамураппи и впоследствии его сыном Самсуилуном, были ужасающими. По-видимому, именно Самсуилун оказался последним из завоевателей, кто окончательно разрушил Ур.

Возможно, что на решение Фарры покинуть родной город сильно повлияла и смерть сына Арана.

Библия говорит, что главной причиной было, однако, повеление Бога, избравшего Аврама для своих высоких целей.

«И взял Фарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в

землю Ханаанскую...» (Быт. 11: 31).

Фарра был в то время уже стар, но Аврам, по библейскому счету, находился в самой цветущей поре – ему исполнилось всего семьдесят пять лет.

Покинув родной город, путешественники двинулись в Харран – сравнительно небольшой, но знаменитый город по пути к земле Ханаанской.

Харран существует и сегодня – это один из самых древних городов мира. Сохранился в нем и храм бога Луны, которому, как уже сказано, поклонялись Фарра и его семейство. Селения, расположенные поблизости от Харрана, носят чисто библейские названия – Фарра, Аран, Нахор и Серух. Нахор – это имя отца Фарры. По-видимому, именно Фарра дал когда-то имя своего отца тому месту, где он, на подходе к Харрану, раскинул свой черный шерстяной шатер.

Когда Фарра пришел в Харран, в городе было уже немало семейств, покинувших Ур. Как правило, то были богатые семейства, прибывшие со множеством слуг, рабов, домашней челяди, привезших с собою все, что только можно было вывезти из родных домов. Все селились здесь окончательно, навсегда. Многочисленные стада уже паслись на окрестных пастбищах.

И сам город Харран, небольшой и уютный, с низкими белыми домами, и окрестности, изобиловавшие зеленью и свежими родниками, радовали переселенцев. После бедствий; пережитых в покинутом родном городе, тревог, несчастий

и смертей, жизнь на новом месте оказалась поистине счастливой и безмятежной. Исчезло постоянное чувство страха, тревоги и опасности, на душу снизошли покой и радость. Кроме того, все соседи были хорошо знакомы между собой: то была большая колония выходцев из Ура, связанных родственными узами, общими воспоминаниями и всегда готовых прийти на помощь друг другу. Неудивительно, что Харран вскоре стал по-настоящему родным домом – теплым и обжитым. Единственное, что омрачало душу Фарры, это горестное воспоминание об умершем сыне Аране. В память о нем и назвал Фарра одно из живописных мест под Харраном, где не однажды проводил он ночи вблизи своих стад вместе с сыном Аврамом.

Фарра умер в Харране в возрасте двухсот пяти лет.

Аврам сделался главою семьи. Он унаследовал от отца не только способность вести большое и разветвленное хозяйство, торговать, налаживать успешные переговоры с купцами, заключать выгодные сделки и тем самым постоянно умножать свои богатства, достигшие к этому времени огромных размеров, но и впечатлительную душу, ищущий самостоятельный ум. Долгие ночи, проведенные под сверкающим звездным небом, на котором светила были выстроены в строгом порядке и подчинялись в своем движении некоей разумной руководящей силе, привели его к мысли о существовании единой божественной воли, которой подчиняется все, в том числе и Луна, бывшая в глазах Фарры и всех его сопле-

менников верховным божеством. Там, у пастушеского костра, он впервые усомнился в вере отцов. В его душе назревал и постепенно свершился переход к новому миропониманию и еще неясной для него новой религии. То была пора смятения, отчаяния, надежды и духовных прозрений.

Именно в это время он, после смерти отца, разделил все свое имущество с братом Нахором и почувствовал себя наконец совершенно вольным человеком. Кровь кочевых предков, подчинявшихся влекущему зову пространств, дала себя знать с яростной и неодолимой силой. Аврам все чаще стал мечтать о путешествии в неизведанные земли. Были и какие-то неприятности у него в Харране, но подробностей мы не знаем.

Все словно подталкивало его в путь. Аврам не мог не почувствовать, что со своей новой (впрочем, тщательно скрываемой) верой в единого всемогущего Бога, повелевающего землей, звездами, планетами и людьми, Бога, намного превосходящего лунное божество, он все заметнее отдалается от своих соплеменников, которые давно уже стали улавливать непростительную небрежность в исполнении им культовых традиционных ритуалов. Вполне возможно, что упомянутые неприятности между Аврамом и колонистами, выходцами из Ура, происходили именно на религиозной почве. Ведь разного рода табу, связанные с лунным божеством, были священны и непререкаемы. Как знать, может быть, зоркие и неусыпные соседи давно заметили «еретичность» Аврама

и ждали лишь удобного момента для расправы. Может быть, Аврам не просто возмечтал о путешествии в неизведанные края, а вынужден был заблаговременно бежать из Харрана?

Так или иначе, но, как говорится в Библии, Аврам однажды услышал голос Бога: *«И сказал Господь Авраму: поиди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего [и иди} в землю, которую Я укажу тебе...»* (Быт. 12: 1).

Дальше говорится: *«И взял Аврам с собою Сару, жену свою, Лота, сына брата своего, и все имение, которое они приобрели, и всех людей, которых они имели в Харране; и вышли, чтоб идти в землю Ханаанскую...»* (Быт. 12: 5).

Как видим, путь их по-прежнему, как когда-то при Фарре, вышедшем с семейством из Ура, лежал в землю Ханаанскую – именно эту страну, с ее обширными пастбищами, горами и реками, плодородную и красивую, давала судьба Авраму. Библия, описывающая путь Аврама, очень точна и даже скрупулезна в топографических подробностях, но некоторые важные вещи в ней опущены. В частности, неясно, почему, достигнув Ханаана и пройдя, как сказано, всю эту местность «по длине ее», поставив жертвенник, возблагодарив Бога, – неясно почему Аврам с семейством все же тотчас покинул предназначенную ему землю и двинулся дальше – к Вефилю, от него на восток и там временно поставил свой шатер, «так, что от него Вефиль был на западе, а Гай на востоке», затем он тронулся, как указывается, к югу и пришел в Египет.

Надо полагать, что столь кружной, длинный и явно предначертанный путь был назначен ему как некое странствие для освящения всех окружающих Ханаан мест, поскольку каждый раз, когда Аврам ставил свой шатер, он сооружал и жертвенник.

Так создавалась если не граница, отмеченная жертвенниками, то, по крайней мере, некая духовная аура, как бы исходившая от священной для Аврама и его будущих поколений земли Ханаанской.

В Египте, когда туда явился Аврам, был очередной голод, периодически поражавший эту страну, когда мелел Нил.

В Библии, среди многих загадочных мест, есть и неясность относительно прибытия в Египет. Сказано, что Аврам пришел в эту страну именно потому, что там «усилился голод». Это объяснение подчеркнуто, но не расшифровано. Надо догадываться, что Аврам, благословленный Богом, каким-то образом мог помочь Египту, как в последствии, через много времени, помог голодающему Египту Иосиф, приучивший египтян делать заблаговременно крупные запасы зерна. Возможно, что мудрый Аврам также имел возможность дать правителям Египта какие-то советы, а может быть, и поделиться с умирающими частью продовольствия, в избытке находившегося, надо думать, в его богатом караване.

Жил Аврам в Египте недолго и беспокойно, больше того – в постоянной тревоге и в ожидании беды. Причиной бес-

покойства была Сара, ее бросавшаяся в глаза необыкновенная красота.

Еще по пути в Египет Аврам решил предпринять меры предосторожности. Он не без оснований предчувствовал, что приближенные фараона, прослышав о красоте Сары, не преминут донести об этом своему владыке.

«Когда же он, — читаем мы в Библии, — приближался к Египту, то сказал Саре, жене своей: вот, я знаю, что ты женщина, прекрасная видом;

И когда Египтяне увидят тебя, то скажут: «это жена его»; и убьют меня, а тебя оставят в живых;

Скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя чрез тебя.

И было, когда пришел Аврам в Египет, Египтяне увидели, что она женщина весьма красивая;

Увидели ее и вельможи фараоновы и похвалили ее фараону; и взята была она в дом фараонов.

И Авраму хорошо было ради нее; и был у него мелкий и крупный скот, и ослы, и рабы, и рабыни, и лошаки, и верблюды» (Быт. 12: 11-16).

Как уже говорилось, Библия в своих рассказах исключительно лаконична, она излагает события почти конспективно, пропуская в своем повествовании целые звенья, предпочитая не столько связность, сколько пунктирность. Это роднит ее с поэзией — отдельные куски библейского рассказа похожи, скорее, на строфы, в которых события и поступки,

мысли и действия спрессованы до состояния формул, знаков или, в лучшем случае, отдельных намеков.

Так, после рассказа о том, что Сара была взята в дом к фараону, сразу же говорится, что Бог *«поразил тяжкими ударами фараона и дом его за Сару, жену Аврамову»* (Быт. 12:17).

В то время как дом Аврама полнился и богател и владения его расширялись, дом фараона, напротив, стал испытывать невероятно тяжкие удары судьбы: болезни, пожары, зловещие явления следовали одно за другим. Дворец давно уже не спал спокойным сном. Каждое кушанье, казалось, таило в себе отраву, падала замертво охрана, полчища крыс поднимались в покои, дикие звери подходили из пустыни к городским воротам, солнце едва светило сквозь серую погребальную пелену, луна смотрела на ложе потерявшего сон фараона зловещим багровым глазом.

Остается предположить, что каким-то образом при дворе фараона, по-видимому, сделалось известно, что Сара не сестра, а жена Аврама, и что, узнав об этом, фараон, однако, не отпустил Сару к своему мужу, чем и навлек на себя гнев небес.

Можно догадываться также, что Аврам какое-то время переживал весьма тяжкие минуты: ведь так или иначе, но он, именно он, обманул фараона, чем и навлек беду на фараонов дом. Возможно, были мысли о бегстве и тайные сборы и еженощное ожидание близкой гибели; может быть, были

попытки тайком вывести Сару из дворца. Наверно, возникало и желание броситься фараону в ноги, испросить прощения. Скорее всего, вовсе не безучастной была в те тревожные дни и сама Сара, любившая своего мужа и трепетавшая перед владыкой Египта. Но обо всем этом нам не дано знать, мы можем лишь строить догадки, исходя из очень скурых сведений.

По-видимому, бедствия, обрушившиеся на фараона, были усилиями придворных астрологов и мудрецов соответствующим образом расшифрованы. Аврам и Сара вот кто причина бедствий – так, наверно, объяснили они происхождение событий своему повелителю. Мы опять-таки не знаем, был ли связан Аврам с придворными кругами фараона, но можно почти уверенно утверждать, что, конечно же, был, поскольку красавица Сара, обласканная фараоном, приходилась ему, по первоначальной версии, родной сестрой. Не исключено, что Аврам какими-то путями и, скорее всего, с помощью богатых подарков склонил придворных толкователей к тому, чтобы они соответствующим и выгодным для него образом расшифровали смысл обрушившихся на дворец ударов. Проще всего было бы для фараона казнить обманувшего его Аврама, но по чьему-то совету он так не сделал. Наоборот, он призвал Аврама к себе, разговаривал с ним чуть ли не жалостливо и просил его уйти из Египта.

«И призвал фараон Аврама и сказал: что ты это сделал со мною? для чего не сказал мне, что она жена

твоя?

Для чего ты сказал: «она сестра моя»? И я взял было ее себе в жену. И теперь вот жена твоя; возьми (ее) и пойди.

И дал о нем фараон повеление людям, и проводили его, и жену его, и все, что у него было...»

(Быт. 12: 18, 19, 20).

Значит, Бог охранял Аврама, сберегая его для будущих великих свершений.

Обратим, кстати, внимание, что и в этой истории, точно так же, как в сюжете с Ноем, библейский персонаж – личность, полностью отдающая себе отчет в своем предназначении. Вообще нравственная привлекательность многих героев Библии заключается чаще всего в том, что они исключительно верны своему долгу. Их духовная энергия вся уходит на свершение великой цели, полностью владеющей ими. И другая, может быть, еще более поразительная черта: при всем том, что они (например, Ной или Аврам, а впоследствии Иисус Христос) подчиняются велению небес, которое им непосредственно и прямо высказано, они все очень по-человечески и страшатся, и мучаются, и сомневаются в своих силах. Ведь, казалось бы, покровительство Бога так очевидно, что можно было бы чувствовать себя в полнейшей безопасности, как за неким щитом, о который сломаются все копыта врагов. Но человеческая душа, несмотря на свою защищенность, страшится и страдает. Эта внутренняя драма,

обычно глубоко скрытая от окружающих, пройдет через все библейское повествование, через многие и многие судьбы, завершившись потрясающей сценой в Гефсиманском саду, когда Христос будет молить своего небесного Отца о миновании чаши, о смягчении страданий. И хотя объяснение этого психологического феномена может быть простым, так как никто из библейских героев не знает всех предназначенных ему испытаний и потому, действительно, вправе скорбеть и ужасаться душою, — все же именно эта черта делает героев библейских историй по-человечески понятными и близкими. Несмотря на свое величие, на свою избранность и особость, они все — люди, у них живое, кровоточащее сердце, им свойственны страх, смятение, неуверенность, любовь, жалость, сострадание, они изнывают от жары, мучаются от голода, болеют от ран, они живут в кругу семьи и сражаются на поле брани. Одним словом, библейскому повествованию свойственны определенный психологизм и известная многомерность в изображении характеров.

Но вернемся к Авраму.

Он снова со всем семейством вышел в путь. Он вернулся Ханаан. Вернулся не нищим изгнанником, а человеком еще более богатым, чем был до Египта. Как это ни парадоксально звучит, но его изгнание был триумфальным: ведь так или иначе, а фараон, несомненно, убоялся еврейского бога и самым страхом своим способствовал упрочению Аврамовой веры и веры всех его соплеменников.

Правда, существует мнение (его высказал Зенон Косидовский в своей известной книге «Библейские сказания»), что благополучный исход Аврамова семейства из Египта может быть объяснен не страхом фараона перед еврейским богом, а его незатихшей любовью к Саре. Он слишком любил Сару, говорит З. Косидовский, чтобы желать гибели ей и ее мужу. Это интересная догадка. И хотя она ни в малейшей степени не подтверждается библейским текстом, ее тоже можно учесть: ведь Библия, как сказано, дает возможность многовариантного чтения, а заложенный в ней психологизм, безусловно, дает пищу для разного рода предположений.

Именно по этой причине существует так много толкований библейских текстов. На протяжении столетий ученые-богословы давали свои трактовки и разночтения. Столкновения на этой почве имели не только умозрительный и кабинетный характер, но нередко заканчивались на эшафоте или на костре.

Аврам возвращался из Египта прежней дорогой и, следовательно, опять оказался вблизи Вефиля, где когда-то уже раскидывал свой шатер и сооружал жертвенник. Хотя прошло уже немало времени, но жертвенник сохранился, видны были и следы прежней стоянки. Место это, находившееся неподалеку от Гая, хорошо известное купцам, так же, как и Вефиль, было плодородным, но недостаточно просторным для многотысячных стад, какими обладало теперь семейство Аврама. Дело доходило до того, что пастухи, пасшие

стада, нередко жестоко ссорились между собою из-за наиболее удобных пастбищ. Аврам и племянник его Лот то и дело должны были разбирать тяжбы между пастухами, что, по-видимому, вносило некоторый раздор и в само семейство.

«И сказал Аврам Лоту: да не будет раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники; Не вся ли земля пред тобою? отделись же от меня: если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево...»

(Быт. 13: 8, 9).

«...И избрал себе Лот всю окрестность Иорданскую; и двинулся Лот к востоку. И отделились они друг от друга. Аврам стал жить на земле Ханаанской; а Лот стал жить в городах окрестности и раскинул шатры до Содома»

(Быт. 13: 11, 12).

Местность, какую избрал Лот (в долине Иорданской), была действительно богата городами, в том числе там были знаменитые Содом (где и поселился Лот), Гоморра, Адама, Севоим и Сигор (или Бела), но были города и поменьше, похожие на большие деревни. Одним словом, местность, к моменту появления там Лота со своими стадами, была слишком многонаселенной, и, что печальнее всего и о чем не подозревал Лот, жители этой земли вечно воевали друг с другом с целью грабежа и наживы. Шайки разбойников и воинственных бродяг держали окрестность в постоянном страхе.

Они, естественно, не преминули нападать и на Лотовы стада, угонять его людей в рабство, присваивать имущество и скот. Сам же город Содом пользовался особенно дурной славой из-за крайней развращенности своих жителей. Не случайно выражение «содомский грех» стало со временем означать крайнюю и отвратительную степень разврата и блудодеяния. Благонравный Лот, поселившись в Содоме, ничего этого поначалу не знал, но вскоре он был до глубины души уязвлен и потрясен развернувшимися перед ним картинами бесстыдства и разгула. Даже малые дети, казалось, с молоком матери впитывали в себя зародыши ужасных пороков.

Аврам же поселился в местности пустынной, вдали от городов и проезжих дорог – в тенистой большой роще, возле чистого источника. Он, при всем своем несметном богатстве, вел очень скромный образ жизни, не выстроив себе ни дома, ни дворца, а довольствуясь хижинкой, которую соорудил собственными руками под сенью огромного дуба. Жизнь его проходила в трудах и высоких размышлениях, была спокойной, неторопливой и безмятежной.

Настал, однако, день, когда ее ровное течение нарушилось страшным известием.

Дело в том, что в земле Лота произошли жестокие события. Мы уже говорили, что помимо Содома и Гоморры в той земле располагались еще три города – Адама, Севоим и Сигор (Бела). В недавнем прошлом они были покорены царем еламским и платили ему дань в течение двенадцати лет, и

вот на тринадцатый год население всех трех городов решило выйти из повиновения. Царь еламский не замедлил появиться перед городскими стенами с огромным войском. Он не только вновь захватил взбунтовавшиеся города, особенно сильно разрушив Содом и Гоморру, но и угнал их жителей в рабство. Среди пленников оказался и Лот.

Счастливый случай помог одному из слуг Лота бежать из плена и сообщить о случившемся Авраму. А он собрал хорошо вооруженный отряд из 318 своих наиболее верных рабов, напал в одну из темных ночей на неприятеля, освободил Лота и множество других пленников, отобрал и захваченную добычу.

Когда Аврам возвращался домой, то на пути его торжественно встретил Мелхиседек, царь Селима (впоследствии Иерусалима), он поднес ему хлеб и вино, благословил и Аврама, и помощников его.

Ничего из захваченной добычи, «ни нитки, ни ремня от обуви», ни рабов, Аврам не взял себе, все отдав по справедливости жителям Содомы, Гоморры и других пострадавших городов.

После описанных событий Аврам, как и следовало ожидать, сделался наиболее известным лицом в Ханаане – более того, слава его далеко простерлась и в другие царства и земли.

Увы, как и всегда, вместе со славой возникла зависть, а с нею домыслы, недоброжелательность и даже чувство мести,

особенно, конечно, со стороны побежденных. Дело дошло до того, что, живя по-прежнему в своей тихой обители, под сенью дуба Мамврийского, Аврам стал испытывать беспокойство. Со стороны Содома и Гоморры, а также и со стороны царя еламского то и дело появлялись вооруженные отряды и шайки, подозрительные бродяги, похожие на подосланных убийц. И хотя верные рабы и слуги Аврамовы были бдительны и осторожны, оберегая жизнь своего хозяина и днем и ночью, все же прежнего покоя уже не было. Наблюдая ночами движение небесных светил, Аврам все чаще думал о бренности человеческого существования и о незащищенности хрупкой плоти в этом мире зла и насилия. Иногда самый настоящий страх сжимал его сердце и любой ночной шорох казался подкрадывающейся бедой. Лишь родник, освещенный луною, мирно лопотал свою извечную песню о жизни и бессмертии да могучий дуб надежно простирали плотный шатер своей листвы. Но было помимо опасений за жизнь и еще одно огорчавшее Аврама обстоятельство: его Сара была бездетной и все клонило к тому, что наследником Аврамова дома, всего его имущества, рабов, слуг и скота, золота и драгоценных камней должен был стать наиболее приближенный к нему домочадец – Елиезер из Дамаска. То был очень достойный человек, много знавший, сохранявший в своей изумительной памяти чуть ли не всю историю Аврамова народа и даже родословные других племен, интересно рассказывавший о Ное, о потопе, о строительстве Вавилонской башни и

о многом другом. Помимо образованности он обладал добрым сердцем и был бесконечно предан Авраму. Но все же это был хотя и достойный, но неродной человек. Кроме того, Елиезер был уже далеко не молод и тоже не имел детей, так как ввиду своих постоянных ученых занятий не успел обзавестись семьей.

В это-то время, когда тревожные мысли все чаще посещали Аврама, и раздался в ночной тиши где-то совсем рядом, но как бы и сверху, голос невидимого Бога. Голос сказал ему: «...не бойся, Аврам; Я твой щит...» (Быт. 15: 1).

На что, возблагодарив Бога за внимание, Аврам ответил:

«...Владыка Господи! что Ты дашь мне? я остаюсь бездетным; распорядитель в доме моем этот Елиезер из Дамаска.

... Ты не дал мне потомства, и вот, домочадец мой наследник мой»

(Быт. 15: 2, 3)

«И было слово Господа к нему, и сказано: не будет он твоим наследником, но тот, кто произойдет из чресл твоих, будет твоим наследником. И вывел его вон и сказал (ему): посмотри на небо и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их. И сказал ему: столько будет у тебя потомков.

Аврам поверил Господу, и он вменил ему это в праведность»

(Быт. 15: 4, 6)

Наутро после этой торжественной ночи Бог повелел Авраму рассечь на части трехлетних тельца, козу и овна, затем положить их части одну против другой, так, чтобы они соприкасались головами, а сверху положить горлицу и молодого голубя, но уже не рассеченными на части, а целиком. То был обряд, означавший вступление в союз с Богом, – обряд для избранных, совершенно дотоле неизвестный Авраму по жизненному опыту, но отчасти знакомый по древним преданиям, о которых рассказывал ему всеведущий Елиезер. Рассеченные части должны были в течение ночи срастись вместе, а горлица и голубь напитать их духом.

Свершив обряд, Аврам неожиданно уснул, но, хотя сон был необычно глубок, все существо Аврама как бы наполнилось ужасом и тело его пронзали судороги. Именно во сне он снова услышал голос Бога, который сказал ему громко и внятно, но словно «из мрака великого»:

«...знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет;

Но я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении; после сего они выйдут [сюда] с большим имуществом...»

(Быт. 15: 13, 14).

САРА И АГАРЬ

Мысль о наследнике, о потомстве не покидала ни на минуту ни Сару, ни Аврама. То была их главная печаль и безысходная забота. Даже мечтать о ребенке Сара уже не могла, так как ей было семьдесят лет.

Вместе с тем оба они помнили обещание Бога, хотя и не знали, каким образом может оно исполниться. Но судьба и Аврама и Сары, а значит, и их потомства уже была написана на небесах. И тут Сару осенила совершенно простая и очевидная мысль. Она даже громко рассмеялась, что не могла додуматься до этого раньше, как, впрочем, почему-то не вспомнил о ней и Аврам. По-видимому, всему свое время, в том числе и самым простым мыслям. Они могут прийти в любое время, как, например, явились они Саре, когда та просеивала зерно, готовясь испечь хлебы. А вспомнила Сара древний обычай, существовавший у их народа, а также и у некоторых иных племен, кочевавших по пустыне или пасших свои стада на пастбищах, живших в городах или путешествовавших и торговавших, у купцов и ремесленников, у вельмож и рабов... Обычай же заключался в том, что если у жены по какой-либо причине, по болезни или старости, не было детей, то она могла привести мужу любую другую женщину, чтобы та зачала от него, выносила ребенка, родила его в положенный срок, но матерью будет считаться не родив-

шая, а та, что привела ее к своему мужу. Во множестве печальных случаев, в особенности когда бездетность грозила наследству, такой обычай счастливо спасал все дело и никто не считал его предосудительным, ибо он был, что называется, в обиходе и был, так сказать, вполне законным. Та женщина, что родила ребенка вместо законной жены, нередко оставалась жить в семье, была любима и уважаема, но, разумеется, не имела никаких прав ни на своего ребенка, который считался для нее чужим, ни на наследство. Такая женщина была всего лишь вынужденной и удобной помощницей в необходимом деле продолжения рода, временной заместительницей жены своего господина на период зачатия и родов.

В многолюдном хозяйстве Аврама для такой роли подошла служанка Сары Агарь. Она была родом из Египта и, как многие женщины той страны, отличалась красотой, изяществом и трудолюбием. Правда, египтянка поклонялась чужим богам и чтила своего далекого фараона, но в глазах Сары это не имело никакого значения.

«И сказала Сара Авраму: вот, Господь заключил чрево мое, чтобы мне не рождать; войди же к служанке моей: может быть, я буду иметь детей от нее. Аврам послушался слов Сары.

И взяла Сара, жена Аврамова, служанку свою, Египтянку Агарь, по истечении десяти лет пребывания Аврамова в земле Ханаанской, и дала ее Авраму, мужу своему, в жену. Он вошел к Агари, и она зачала...» (Быт. 16: 2, 3, 4).

Но, как часто бывает, не все обошлось гладко. У красавицы Агари оказался довольно вздорный характер. Она никак не могла удержаться от того, чтобы при случае презрительно не уколоть Сару ее бесплодием, и постоянно хвасталась своей беременностью.

«И сказала Сара Авраму: в обиде моей ты виновен; я отдала служанку мою в недро твое; а она, увидев, что зачала, стала презирать меня; Господь пусть будет судьей между мною и между тобою.

Аврам сказал Саре: вот, служанка твоя в твоих руках; делай с нею, что тебе угодно. И Сара стала притеснять ее, и она убежала от нее...» (Быт. 16: 5, 6).

Большинство исследователей Библии справедливо считают, что Агарь, скорее всего, выйдя из дома Аврама и напутствуемая, надо полагать, бранью Сары, ушла в сторону Египта – по направлению к своей родине, о которой тосковала все бесконечные годы своего служения у Аврама. Вообще Агарь одна из самых живых и выразительных фигур в библейской истории, и, хотя многое в ее жизни затуманено и скрыто от глаз читателя, мы не можем не испытывать к ней жгучего чувства сострадания. Да, она далеко не безупречна – она отплатила Саре и Авраму, оказавшим ей величайшее, по понятиям тех времен, доверие (рождение ребенка-наследника) явной неблагодарностью – насмешками и даже зазнайством. Красота в соединении с прямым и вздорным характером, по видимому, не раз подводила юную египтянку в чуждом кру-

гу иноплеменников-евреев, и разные стычки в доме по вине Агари вряд ли были редкими. Все же ее терпели и, может быть, даже любили, поскольку именно Агарь удостоена высокой роли быть наложницею главы семейства! Что-то, значит, было в этой прелестной и темпераментной женщине, из-за чего ей до поры до времени прощались все мелкие домашние стычки.

Как попала Агарь в дом Аврама? Почему она оказалась так далеко от Египта? Захвачена ли была Агарь кочевниками – пастухами? Или какой-то караван, шедший из Египта, подвергся нападению разбойников, которые и продали ее, еще девочкой, убив и ограбив ее родителей? Библия не отвечает ни на один из этих вопросов. Почему? Потому что она не роман, она, как уже было сказано, – своеобразная записная книжка человечества, и в ней пунктирно и по необходимости кратко обозначено лишь самое главное. Кроме того, кто такая в конце концов, Агарь, чтобы древний записыватель или рассказчик преданий стал бы говорить о ней подробно и обстоятельно? Агарь всего лишь служанка. Для нее, неизвестной и бесправной, проданной или захваченной, подобно случайной добыче, является величайшим благодеянием и подлинным даром небес уже одно то, что оказалось сохранено и передано поколениям самое ее имя.

И вот уже сколько времени из непроглядной мглы веков, засыпанных песком забвения, наряду с именами царей и богов светится и нежное имя задорной и несчастной Агари.

Маленькая история ее жизни не сходит – и теперь уже никогда не сойдет – с уст человечества, прочно запомнившего эту трогательную легенду.

Об Агари еще говорится, что она долго, наверно несколько дней и ночей, блуждала в пустыне, потеряв дорогу, и что не было вокруг ни одного живого существа только барханы, пески и вечные звезды над головой. После дневного зноя пустыня не успевала остыть, но все же к утру на колючках и ветвях саксаула можно было найти капельки росы. Настал час, когда Агарь стала прощаться с жизнью, но вдруг – о чудо! – источник воды! Он встретился ей, как сказано в Библии, на дороге к Суру – это место и сейчас очень почитаемо, и если прежде караваны, шедшие к Египту или в Финикию, останавливались здесь, чтобы пополнить запасы воды и вспомнить при этом историю Агари и ее чудесного спасения, то и ныне происходит то же самое: возле источника и теперь звучит разноречивая речь, но одно слово в этой пестрой разноречивости понятно всем – Агарь.

Библия дальше рассказывает, что, остановившись у источника, Агарь не знала, что ей делать дальше. Дорога, ведущая к Суру, оказалась ей знакомой, и она поняла, что в течение всех бесконечных тягостных дней блуждания просто кружила недалеко от Аврамова дома, нисколько не продвинувшись к Египту.

В минуту столь ужасного открытия ей явился Ангел. Явление Ангела Агари – одно из самых патетичных мест Библии.

лии.

«И нашел ее Ангел Господень у источника воды в пустыне, у источника на дороге к Суру. .

И сказал ей Ангел Господень: Агарь, служанка Сарина! Откуда ты пришла и куда идешь? Она сказала: я бегу от лица Сары, госпожи моей.

Ангел Господень сказал ей: возвратись к госпоже своей и покорись ей...

И еще сказал ей Ангел Господень: вот, ты беременна, и родишь сына, и наречешь ему имя: Измаил...» (Быт. 16: 7, 8, 9, 11).

Надо ли говорить, как была потрясена Агарь посетившим ее видением. Она была уверена, что, увидев Ангела, она чрез него как бы узрела и самого Бога. Впечатлительная и пылкая, Агарь пала ниц и в благодарность за ангельскую помощь назвала источник Беэрлахай-рой, что означает «Источник Живого, видящего меня». Под этим названием он и вошел в историю.

Беседа Агари с Ангелом, при всей скупости слов и поясняющих ремарок, психологически очень выразительна и похожа, в сущности, на внутренний монолог. Агарь отвечает на риторические вопросы Ангела («Откуда ты пришла и куда идешь?»), одновременно, а может быть и прежде всего, отвечая самой себе. Она спрашивает себя и в собственной своей смятенной душе ищет правильное решение. Ребенок, будущий Измаил, уже нежно толкает ее в чреве. Агарь на-

правляется к дому Аврама.

В этом месте библейский рассказчик, как это чаще всего и принято в Библии, заглядывает далеко вперед и устами Ангела приоткрывает завесу над будущим Измаила. От него, оказывается, пойдет отдельная человеческая ветвь – от него произойдут многочисленные мусульманские племена и народности.

Между тем в доме Аврама происходили радостные события. Через какое-то время после возвращения Агари забеременела жена Аврама Сара. То была неожиданность лишь на первый взгляд, и лишь люди, не посвященные в давнюю тайну Аврама, могли удивляться, как могла родить девяностолетняя Сара от своего столетнего мужа. Однако еще в те времена, когда Аврам горевал о бесплодии своей Сары, ему было видение, предрекавшее будущее рождение ребенка.

Здесь надо еще заметить, что, сказав Авраму и Саре о будущем их многочисленном потомстве, Бог несколько видоизменил их имена – это изменение чисто, так сказать, грамматическое, оно указывает на множественность и заключается в удвоении звука. Так Аврам стал Авраамом, а Сара – Саррой.

И дальше, в нашем тексте, мы так и будем их называть.

АВРААМ И ТРИ СТРАННИКА

Явление Аврааму трех странников один из самых знаме-

нитых библейских сюжетов, посвященных патриархам. Как уже было сказано, Авраам, разделившись с Лотом, ушедшим в Содом, жил в тихом и уединенном месте. Его шатер был раскинут под сенью огромного дуба в роще, издавна называвшейся Мамврийской. То был оазис, живописный и зеленый. Упругий холодный источник давал надежную и радостную жизнь всему окружающему. Мамврийскую рощу и в особенности Мамврийский дуб, под которым жил в своем шатре старый Авраам знали все путники и владельцы всех караванов, направлявшихся в Кадес или Баред, а то еще дальше – к Египту и Средиземноморью. Поэтому уединение Авраама скорее всего было довольно относительным. От погонщиков караванов он узнавал разнообразные новости, получал сведения о Лоте, передавал приветы и подарки своей многочисленной родне. Особенно тревожила Авраама судьба Лота, поскольку Содом, где, к несчастью, поселился Лот, был городом развратным и беспокойным. Все дурные вести шли именно оттуда – из Содома или из Гоморры.

Можно предположить, что, живя в столь удобном месте, где останавливались богатые караваны, Авраам занимался и посредническими делами: его жизненный опыт и мудрость, честность и добродетельность высоко ценились в среде купцов, торговцев и перекупщиков. Правда, об этой стороне жизни Авраама в Библии ничего не говорится, о ней нам позволительно лишь догадываться.

По-видимому, общаясь с мудрым старцем, путники полу-

чали от него не только хозяйственные и деловые советы, но и твердые моральные наставления. Ведь самый возраст Авраама в глазах жителей Востока означал непререкаемый авторитет.

И вот однажды, когда Авраам, по обыкновению, сидел возле своего шатра, он увидел в знойном струящемся воздухе, исходившем от раскаленных песков окружающей Мамврийский оазис пустыни, фигуры трех странников.

Появление путников возле оазиса само по себе не было удивительным, и все же Авраам испытал чувство, близкое к удивлению и беспокойству. Дело в том, что зной был поистине нестерпимым, все живое, чтобы не изжариться в этом пекле, заблаговременно попряталось, глубоко зарывшись в песчаные норы или уйдя в глубокую тень. Между тем странники, хотя шли быстро, едва касаясь дороги своими легкими сандалиями, все же двигались спокойно. Было видно, что они ведут между собою какую-то беседу и что один из них, тот, что шел посредине, был старше. Неторопливость их беседы под палящим солнцем, спокойные лица, какая-то невесомость их легких фигур, иногда, словно пропадавших с глаз, словно мираж, – все это понудило Авраама подняться и пойти навстречу своим необычным гостям.

С чисто восточным гостеприимством, блюдя этикет, Авраам принимает путников, снимает с их ног обувь и оmyвает пыльные ступни чистой водой. Затем, рассказывает Библия, *«...поспешил Авраам в шатер к Сарре и сказал: поскорее за-*

меси три саты лучшей муки и сделай пресные хлебы.

И побегал Авраам к стаду, и взял теленка нежного и хорошего, и дал отроку, и тот поспешил приготовить его.

И взял масла и молока, и теленка приготовленного, и поставил перед ними а сам стоял подле них под деревом. И они ели...» (Быт. 18: 6, 7, 8).

Во всей этой сцене обращает на себя внимание, что так называемый этикет, которому, как справедливо замечают библеисты, Авраам следует неукоснительно, особо подчеркнут. По всему видно, что Авраам почти догадался, кто его гости. Несмотря на свой почтенный возраст, он буквально бегают, отдавая свои приказания то жене, то слугам: «...и поспешил Авраам в шатер к Сарре...», «...и побегал Авраам к стаду...» А между тем гости его молоды, даже юны: их походка легка, движения быстры, после дороги, прокаленной зноем, они, судя по всему, ни чуть не устали. Впрочем, вернее было бы сказать, что у них нет возраста – они, как в глубине души догадывается Авраам, посланцы другого мира. Особенно смущает Авраама тот, что постоянно находится в центре этой маленькой группы, – от него исходит сияние и какая-то неведомая властительная сила. Они спрашивают старца, где его жена, Сарра, и Авраам отвечает, что она здесь, в шатре. Тогда «один из них» (это выражение особо выделено в Библии) сказал: «Я опять буду у тебя в это же время [в следующем году], и будет сын у Сарры, жены твоей...» (Быт. 18: 17).

Сцена со странниками удивительна по своей психологической точности. Чувствуется, как напряжен Авраам, какая глубокая догадка пронзила все его существо. В какой-то момент он начал понимать, что слышит голос Бога и что два юноши, стоящие по бокам старшего из них, это ангелы.

Одна лишь Сарра, по своей женской суетности, не может догадаться, в чем дело, и слова старшего, сказавшего, что у престарелой Сарры будет через год сын, просто напросто рассмешили ее. Бедный Авраам, которому все уже стало ясно, не знает, как замять эту неловкость. Ему кажется ужасным, что старая Сарра так глупо и греховно рассмеялась. Правда, рассмеялась она в шатре и, возможно, думала, что ее никто не видит и не слышит, тем более что рассмеялась она, как вскоре выясняется, внутренне, в душе своей: уж очень забавным ей показалось, что от нее, девяностолетней, ждут ребенка. Но для того – старшего, который пришел к Аврааму со своими двумя юными ангелами, нет ничего невидимого и неслышимого. Потому-то, как повествуется далее в Библии, *«и сказал Господь Аврааму: отчего это [сама в себе] рассмеялась Сарра, сказав: «неужели Я действительно могу родить, когда я состарилась?»*

Есть ли что трудное для Господа? В назначенный срок буду Я у тебя в следующем году, и [будет] у Сары сын» (Быт. 18: 13, 14).

И так, Сарра рассмеялась, но все обошлось благополучно: Бог (тот «старший») понимал, насколько бывает не тверда у

людей вера.

Саррин смех – очень живая, достоверная в психологическом отношении и выразительная деталь в библейском рассказе о жизни патриарха. Как и насмешливая дерзость Агари, он доносится до нас из глубины тысячелетий, будучи живым напоминанием о том, что легендарные лица, живущие в библейских величественных текстах, были людьми из плоти и крови. Вообще фигуры Библии далеко не двухмерны, очень часто они объемны, а их внутренний духовный мир в какой-то момент вдруг поражает нас удивительной близостью к нам самим. В Библии, безусловно, есть зачатки не только будущей высокой драмы (в особенности трагедии), но и многие черты психологического романа, например правдоподобность и оправданность эмоциональных движений, бытовой «интерьер», фабула и сюжет, использование детали и живописной подробности. Эта великая книга – Библия – лежит в основе основ не только всей будущей человеческой культуры вообще, но и художественной литературы (в том числе даже беллетристики) в частности. Именно в этом отношении очень характерен диалог, происшедший между «старшим» и Саррой после того, как она рассмеялась. *«Сарра же, – говорится в Библии, – не призналась, а сказала: я не смеялась. Ибо, – поясняется далее, – она испугалась».* Тут-то «старший» и сказал – настойчиво и уличающе: *«Нет, ты рассмеялась».* Разговор идет, конечно, через стенку шатра – Сарра, по тогдашним обычаям, не может выйти к мужчи-

нам. Но ее испуг и от испуга пререкания говорят о многом. Она пытается, очень неуклюже и наивно, отречься от своего неуместного смеха и мало-помалу начинает, по-видимому, понимать, что человек, услышавший, как она рассмеялась в душе, то есть рассмеялась беззвучно, не может быть обычным человеком.

Перестав говорить с Саррой, «старший» уже повернулся, чтобы вместе со своими спутниками, благочестиво промолчавшими всю эту сцену, идти дальше.

Авраам пошел их провожать. Он заметил, что, выйдя на дорогу, уже начавшую быстро темнеть от приблизившегося вечера, его гости повернули в сторону Содома. Скорее всего, они туда и направлялись, но «старшему», наверно, была необходима встреча с Авраамом, которая и задержала всех троих на их пути в Содом. Впрочем, Авраам не знал, идут ли они в Содом; может быть, пройдя этот греховный город насквозь, они пошли бы дальше, к берегу Мертвого моря, или к филистимлянам, или в Египет. Но «старший», прежде чем двинуться в путь, остановился и сказал Аврааму: «...*утаю ли Я от Авраама, что хочу делать!*» (Быт. 18: 17).

И тут выясняется, что они действительно идут в Содом. Бог поясняет Аврааму, что жители Содома и Гоморры погрязли в страшных грехах – разврате, блуде, чревоугодии, стяжательстве и разбое. Черная молва об этих городах разошлась по всей земле.

«...сойду и посмотрю, – говорит Бог Аврааму, – *точно ли*

они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю» (Быт. 18: 21).

Сказав так, они уже было двинулись в путь и даже сделали несколько шагов, но Авраам, обуреваемый страшными предчувствиями, вдруг задержал их и, встав пред ликом Господа, сказал: «...неужели Ты погубишь праведного с нечестивым?» (Быт. 18: 23).

Нетрудно догадаться, что старый Авраам вспомнил прежде всего о благочестивом праведнике Лоте, своем племяннике, который, как мы знаем, к несчастью, поселился именно в Содоме. Но тревога его имеет, конечно, и общий смысл. Его волнует кардинальный вопрос: попадут ли под кару вместе с виновными и невинные?

В истории человечества Авраам первым задал этот вопрос, оставшийся, увы, открытым и до сих пор.

Все последующие тысячелетия, вплоть до наших дней, люди, как на каменную стену, будут наткаться на эту проблему, не в силах разрешить ее ни теоретически, ни практически. Сопряженный с проблемой совести, вопрос этот станет болезненным центром всего духовного мира русской литературы, достигнув своей кричащей пронзительности и прямого обращения к Богу у Достоевского.

И в наши дни он остался таким же жгучим и неразрешенным. Печально известная формула «лес рубят щепки летят», оправдывавшая в недалеком прошлом казни невинных, относится сюда же – к вопросу, заданному Авраамом, когда

он, преодолев свою робость, задержал карающего Бога на его пути в Содом, чтобы допытаться о судьбе невинных.

Можно сказать, что в истории о трех странниках и Аврааме впервые в Библии поставлена проблема кардинальной философской важности. Теологи, философы, политики и правоведы будут впоследствии лишь так или иначе варьировать то, что впервые сформулировал, обратившись в наивысшую «инстанцию», мудрый Авраам.

Как мы увидим дальше, в Библии поставлены, по сути, все вечные темы, касающиеся жизни человека на его прекрасной и грешной земле. Важно вместе с тем, что они не только сформулированы, но всегда звучат в неизменно гуманистическом контексте.

Для их практического решения в Библии всегда дается как бы подсказка, направляющая человеческую мысль в сторону высоких нравственно-моральных ориентиров.

Вот почему Библия и стала настольной книгой человечества. В ней сконцентрированы до алмазной, не разрушаемой крепости общечеловеческие нравственные ценности, добытые еще в седой древности ценою многострадального и жестокого, кровавого и зловещего опыта многочисленных поколений.

Обращение Авраама к Богу со своим вопросом – одно из самых патетичных и в художественном отношении самых совершенных мест в Библии. Неотступность Авраама поразительна – он буквально чуть ли не вырывает ответ на свой

вопрос, варьируя его так и этак и явно задерживая путников, что можно было бы счесть неучтивостью, если бы это был не Авраам и если бы его вопрос не касался жизни всех будущих поколений. Он словно предчувствует, что именно здесь, в этой проблеме, таится общечеловеческая беда, и хочет предотвратить или смягчить ее. Его тревога, как мы сейчас бы сказали, носит глобальный характер, что и понятно, если учесть слова Бога о множествах, что произойдут и станут жить от Авраамова семени. Правда, все это в далеком будущем. Девяностолетняя Сарра еще должна зачать. Но уже бегаёт возле шатра маленький Измаил, родившийся от Агари. Будущее приближается явно и неотступно. О нем, полагает Авраам, нужно думать и заботиться даже тогда, когда тебе самому уже сто лет.

Кстати, это еще одна из важнейших библейских заповедей, преподанных человечеству.

Как сказано, Авраам, задержав странников, задает свой вопрос, все ужесточая его, несколько раз. Его цель – добиться ответа и спасти невинных: не только Лота с его семейством, но и тех будущих людей, что произойдут от него с Саррой и от маленького Измаила.

Вопросив: «Неужели ты погубишь праведного с нечестивым?», Авраам дальше все суживает и суживает свою вопросительную формулировку, пока она не превращается в маленькое острие, ранящее каждого, кто на него наткнется.

Он говорит: *«Может быть, есть в этом городе пятьде-*

сят праведников? Неужели Ты погубишь и не пощадишь места сего ради пятидесяти праведников в нем?

Не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым; не может быть от Тебя! Судия всей земли поступит ли не правосудно?» (Быт. 18: 24, 25).

Авраам произносит свою мольбу почти как требование, — во всяком случае, как заклинание. Подобно тому, как решительно, преодолев робость, остановил он странников, уже направлявшихся к Содому, так же точно пытается он остановить их будущее деяние.

По поводу этого замечательного места в Библии высказывалось мнение, что речь-мольба Авраама есть первая в Библии молитва, если, правда, не считать обращения Ноя к Богу перед отплытием, но у Ноя все же не было столь блистательного, развернутого, поистине ораторского оборота, столь красноречивого Слова, которым он остановил даже Бога. И все же это, конечно, не молитва, хотя обращение Авраама и содержит в себе элемент мольбы и даже заклинания. С первой подлинной молитвой мы еще столкнемся чуть позже, когда пойдет речь об Иакове, узнавшем о приближении Исава. Здесь же ораторский монолог, построенный с удивительным искусством.

Бог отвечает Аврааму:

«...если Я найду в городе Содоме пятьдесят праведников,

то Я ради них пощажу все место сие.

Авраам сказал в ответ: вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел:

Может быть, до пятидесяти праведников не достанет пяти, неужели за недостатком пяти Ты истребишь весь город? Он сказал: не истреблю, если найду там сорок пять.

Авраам продолжал говорить с Ним и сказал: может быть, найдется там сорок. Он сказал: не сделаю того и ради сорока.

И сказал Авраам: да не прогневается Владыка, что я буду говорить: может быть, найдется там тридцать? Он сказал: не сделаю, если найдется там тридцать.

Авраам сказал: вот, я решился говорить Владыке: может быть, найдется там двадцать? Он сказал: не истреблю ради двадцати.

Авраам сказал: да не прогневается Владыка, что я скажу еще однажды: может быть, найдется там десять? Он сказал: не истреблю ради десяти.

И пошел Господь, перестав говорить с Авраамом; Авраам же возвратился в свое место» (Быт. 18: 26-33).

Не правда ли, какое потрясающее мужество! Какая неуступчивость духа!... Авраам, осознающий себя «пеплом и прахом», ничтожной тварью и былинкой перед лицом Бога, однако, осмеливается поднять голос в защиту и твари и былинки, если они не виновны. Он первый в Библии говорит о праве человека на защиту. Поступок Авраама можно

назвать подлинным подвигом, продиктованным любовью и состраданием. В этом отношении он прямой потомок Ноя не только по библейскому генеалогическому древу, не только по плоти, но прежде всего – по духу. Ной осуществлял свое призвание, спасая человечество с помощью построенного им ковчега. Авраам тоже спасает человечество, получая от Бога своеобразные гарантии: не истреблю, даже если десять...

Но где все же граница числу, за которым невиновный, оказавшийся, скажем, в единственном числе, должен непременно погибнуть вместе с виноватыми?.

Библия, безусловно, наталкивает на такие размышления и, наталкивая, дает подсказку: даже если один...

Об эту границу рокового числа (сколько же должно быть праведников?) постоянно билась человеческая мысль на протяжении долгих и долгих столетий. Богословы, схоласты, риторы, еретики и ортодоксы, грешники и праведники – все сошлись здесь, в этой роковой точке. Как-никак, но ведь Господь после числа «десять» «перестал говорить с Авраамом», и тот, как сказано, «возвратился в свое место». Что мог думать Авраам? Удовлетворился ли он ответом Бога, отвоевав у смерти десять праведников? А если их будет меньше? Если их будет столько, сколько в немногочисленной семье его племянника, о которой, возможно, он тогда думал, беседуя со своим высоким гостем, и, может быть, даже перебирал в памяти членов его семейства?

Так или иначе, но, судя по всему происшедшему дальше,

семья Лота не доходила до десяти человек.

СОДОМ И ГОМОРРА

Возвратясь «в свое место» и готовясь ко сну, так как уже был поздний вечер, Авраам продолжал думать о словах «старшего», которого он даже мысленно боялся называть Богом, хотя и был уверен, что это именно так, что он был удостоен поистине великой беседы. Когда Сарра подавала ему ужин, он упрекнул ее в давешнем глупом смехе, но, услышав в ответ, что та смеялась лишь в душе своей, снова уверовал в божественность своего посетителя. Глядя в огонь жаровни и наблюдая, как тени от Сарриной фигуры, изогнувшись на покатых стенах, вновь выпрямлялись на коврах, служивших перегородками, он вспомнил, как быстро исчезла тень «старшего», когда трое странников отошли от него на содомской дороге. Он хорошо помнил, что, оглянувшись, он увидел лишь две удалявшиеся фигуры, и понял, что именно два ангела и были посланы с господней миссией в Содом. Им предстояло, несмотря на их летящую походку, идти долго, и, по подсчетам, которые Авраам сделал в уме, они должны были появиться в Содоме к вечеру следующего дня. Ночь длилась для него бесконечно. Не сомкнув глаз до утра, он слушал, как шумит от ночного движения воздуха Мамврийская роща, как тяжело перебирает листьями могучий дуб, укрывающий его шатер огромной и тоже похожей на шатер

кроной; ему казалось даже, что он слышит тонкую музыку песка в пустыне, окружавшей со всех сторон Мамврийский оазис. В эту долгую ночь он неожиданно для себя вспомнил всю свою жизнь — детство в Уре, и своего отца Фарру, и свои скитания по пустыне, вспомнил Египет и всю историю с фараоном. Многие пришли ему на ум, но судьба Лота не выходила из головы. Он любил своего племянника и желал ему спасения. С ужасом представлял он себе гнев господень, обрушившийся на Содом, а может быть, и на Гоморру, а может быть, и на остальные три города, лежавшие поблизости и, надо думать, давно зараженные содомским грехом. Он страстно желал, чтобы божий гнев пощадил всех людей, грешных и праведников, и втайне надеялся, что немногочисленное семейство Лота успело увеличиться за то время, пока он не имел о нем известий: караванов из Содома давно не было.

Так прошла ночь, наступило утро, и минул, склонившись к вечеру, еще один жаркий день, и снова наступил вечер. Авраам предполагал: что ангелы-посланцы уже появились в Содоме. В глубине души он надеялся, что они прежде всего придут к Лоту, ведь в Содоме именно Лот был праведником, за что и ненавидели его содомляне, всячески издеваясь над его семьей и выкрикивая разные непристойности у стен его жилища.

Лот не раз подумывал о том, чтобы уйти из Содома, но другие четыре города, находившиеся невдалеке, были ничем не лучше, особенно Гоморра.

Кроме того, что-то необъяснимое и твердое властно удерживало его в Содоме.

Лишь после великой катастрофы он поймет, что жестокая воля, державшая его, была божьим намерением испытать и спасти содомлян. Своею праведною жизнью он ежедневно подавал им пример и указывал тем самым дорогу к верному спасению. Лот был, одним словом, заложником небес на грешной земле. Его праведная душа была оазисом среди пустыни и смрада греха.

Однако хотя Лот уже очень давно жил в Содоме, но заложничество его так и не вразумило содомлян, и он часто думал о том, что терпение небес может иссякнуть в любую минуту.

К вечеру того дня, который, как мы знаем, уже вычислил в своем уме Авраам, оба юноши-посланца пришли в Содом и действительно, как того и хотелось мамврийскому старцу, тотчас встретили Лота у самых городских ворот. Он нередко любил сидеть там по вечерам, дыша прохладой и надеясь первым встретить припозднившийся караван и, может быть, получить весточку от Авраама.

Увидев двух странников, приблизившихся к воротам и уже едва видных в быстро сгущавшихся сумерках, он поднялся им навстречу и со свойственным всему Авраамову роду сердечием пригласил их к себе в дом. Путникам омыли ноги и подали ужин. Они поневоле вспомнили Авраама – тот точно так же встретил их у своего шатра: омыл ноги и дал еду.

Появление двух красивых юношей в белоснежных одеждах не прошло незамеченным для содомлян. Хотя Лот шел с ними к своему дому в темноте, так как южная ночь, после кратких сумерек, наступает мгновенно, несколько жителей, для которых, как было заведено в этом распутном городе, лишь ночью и наступала настоящая жизнь, тотчас заметили и оценили красоту спутников Лота. Они, конечно, оценили ее по-своему, со свойственным им сладострастием и греховным вожделением. Не прошло, кажется, и часа, как у стен Лотова жилища собралась разнузданная и похотливая толпа. Беснуясь и осыпая дом камнями, содомляне требовали у Лота выдать им его гостей. Лот, его жена и дочери были напуганы до крайней степени, и лишь двое юношей по видимости сидели спокойно. Между тем толпа ревела и бушевала. В стены сыпались камни. Вот уже и тяжелая дубовая дверь, окованная медными полосами, стала подаваться и трещать под напором чьих-то тел. Если бы Лот осмелился выйти наружу, он увидел бы множество факелов и светильных плошек, освещавших разъяренные лица. Казалось, вся ненависть, накопившаяся в темных душах жителей Содома, выплеснулась наружу. Уже кто-то тащил бревно, чтобы бить им в стены и в дверь, кто-то подносил факел к ставням...

По законам гостеприимства и по законам своей праведной души Лот был обязан спасти посетивших его юношей или погибнуть вместе с ними. Он уже считал свой дом, и семейство, и двух юношей-гостей обреченными, как вдруг послед-

нее – ужасное – решение пришло ему на ум: взамен юношей он решил предложить содомлянам своих дочерей. То было действительно последнее, что он мог сделать.

Выйдя наружу перед мгновенно затихшей толпой, он внятным и твердым голосом предложил свою страшную дань. Но уже через мгновение толпа взвыла и ринулась к жилищу. Откуп Лота не был принят. В Библии об этом сказано так: *«Но они сказали ему: пойди сюда. И сказали: вот пришелец, и хочет судить? теперь мы хуже поступим с тобою, нежели с ними. И очень приступали к человеку сему, к Лоту, и подошли, чтобы выломать дверь...»* (Быт. 19: 9).

Но дверь открыли сами юноши, они подхватили почти обеспамятевшего Лота, ввели его в дом, а тех, что бесновались снаружи и готовы были ворваться в жилище, поразили слепотой.

Для ослепших содомлян ночь стала вечной, они уж не видели не входа в Лота, ни самой улицы, ни огня факелов, ощупью могли возвратиться к своим собственным жилищам.

Успокоив Лота, ангелы стали спрашивать, кто еще кроме дочерей и жены входит в число его родственников. Можно предположить, что, справляясь о числе, юноши спасители надеялись, что оно будет равно десяти, а может быть, даже и превысит его. Ведь, как мы помним, разговор Авраама с Богом прекратился именно на этом роковом числе. В Библии не сообщается, сколько же было родственников у Лота. Самое страшное, что их могло быть и десять, и больше, но часть

из них отказалась покинуть Содом даже после того, как Лот все рассказал им о своих гостях и о том, что Содом должен быть разрушен. Правда, есть основания думать, что о числе «десять» Лот не знал, а потому и подсчетов Лотово семейство не вело. Но тем, так сказать, объективнее было решение истребить Содом: ведь родственники Лота, исключая дочерей и жену, не хотели его покинуть. Вполне возможно, что нравы и обычаи Содома уже не казались им отвратительными, что они сами уже сделались содомлянами – не по месту своего пребывания, а по духу и привычкам. Можно предположить и другое: они не поверили словам Лота о том, что город будет разрушен; им, видите ли, «показалось, что он шутит», а это уже был грех, поскольку Лот говорил не от себя, а от имени небесных посланцев, а кроме того, он ведь, надо думать, рассказал им о слепоте, поразившей содомлян, что, наверно, было, по его мнению, первым признаком уже вершащейся кары. Наконец, возможна и еще одна догадка, почему Содом все же был разрушен. Дело в том, что родственники, которых Лот увещевал уйти из города, называются в Библии «зятьями». Это слово – «зятья» – издавна вызывало разногласие и недоумение среди библеистов, считавших его одним из тех противоречий и загадочных мест, что нередки в Библии. Некоторые полагали, что здесь, скорее всего, описка древнего переписчика. Какие могут быть «зятья», если дочери Лота непорочны, если они еще не замужем? Это видно из слов самого Лота, когда, выйдя из дому к разбушевавшейся

толпе, он сказал: «вот у меня две дочери, которые не познали мужа...» Комментируя это темное место, часть исследователей приходит, однако, к выводу, что по обычаям того времени зятьями считались и назывались в быту обрученные, то есть женихи, но еще не мужья. Именно так можно понимать слова Библии: *«И вышел Лот, и говорил с зятьями своими, которые брали за себя дочерей его...»* (Быт. 19: 14). Если это действительно так, если так называемые «зятья» были лишь женихами, то они, следовательно, не являлись и родственниками в полном и прямом смысле этого слова. В таком случае опасения Авраама, что немногочисленное семейство Лота вряд ли включает в себя десять человек, имеют основания; значит, в Содоме оказалось, к несчастью для этого города, меньше десяти праведников.

Дальше читаем: *«Когда взошла заря, Ангелы начали торопить Лота, говоря: встань, возьми жену твою и двух дочерей твоих, которые у тебя, чтобы не погибнуть тебе за беззакония города.»*

И как он медлил, то мужи те (Ангелы), по милости к нему Господней, взяли за руку его и жену его, и двух дочерей его, и вывели его, и поставили его вне города...» (Быт. 19: 15, 16).

Затем ангелы, потребовав, чтобы он ни в коем случае не оглядывался и чтобы не оглядывались ни жена, ни дочери, показали ему высокую гору: именно там, по их словам, можно было спастись – до гибели города Содома, а вместе с ним и

Гоморры, оставалось совсем немного времени. Но Лот недаром был племянником Авраама, остановившего Бога по дороге в Содом, чтобы изложить ему свои вычисления. Так и Лот. Он отказался спастись на горе, смотревшей в небеса голой вершиной.

«Но Лот сказал им: нет, Владыка!

Вот, раб Твой обрел благоволение пред очами Твоими, и велика милость Твоя, которую Ты сделал со мною, что спас жизнь мою; но я не могу спастись на гору, чтоб не застигла меня беда и мне не умереть;

Вот, ближе бежать в сей город, он же мал; побегу я туда...» (Быт. 19: 18, 19, 20).

Город тот, судя по всему, отстоял недалеко от Содома и во время ожидаемой катастрофы, вопреки надежде Лота, легко мог пострадать, но ангелы согласились и взяли тот город под свою защиту.

И действительно, беда обошла этот маленький городок: ни один язык высокого пламени, объявшего близкий Содом, ни огненная сера, обрушивавшаяся на Гоморру, ни соляные потоки, ни раскаленные камни, с треском взлетающие над соседними несчастными городами, где заживо сгорели все жители, – ничто не затронуло благословенный свыше, охраняемый небесной силой игрушечный и хрупкий Сигор. О его чудесном спасении долго рассказывали подробности. Говорили, например, что землетрясение, а вместе с ним взрыв огненной горы и страшное наводнение, похожее на разливы

соляных и серных рек, начались тотчас, как только в городские ворота вбежал Лот со своими дочерьми.

Жена же его не добежала до Сигора.

Жена же его, почти у самых ворот сигорских, забыв о запрете ангелов или не придав ему значения, оглянулась в сторону Содома. Может быть, она хотела попрощаться с тем местом, где прошла почти вся ее жизнь, где она была счастлива с мужем и вообще была счастлива, несмотря на то, что нравы содомлян были ей чужды и противны, но там, в оставленном и обреченном городе, находился ее дом и была дорога всякая мелочь, принадлежавшая семейному очагу. Наверно, именно такие чувства наполнили ее душу, когда, не выдержав, она все же кинула прощальный взор туда, где, как она знала, вскоре не останется ничего.

Стремительный соляной смерч, уже мчавшийся к Содому, и настиг ее в это мгновение. Не оглянувшись, она успела бы вбежать в ворота.

И до сих пор туристам, проезжающим по дороге южнее Мертвого моря, показывают соляную скалу, в очертаниях которой можно, при некоторой доле воображения, угадать силуэт женской фигуры.

Жена Лота, превратившаяся в соляной столб, на века осталась в памяти людей олицетворением, с одной стороны, женского сострадания к покинутому очагу, а с другой – скорбной жертвой возмездия за непослушание высшей воле. Но вернее было бы сказать, что обе эти стороны постепен-

но слились вместе, и сейчас библейский рассказ о жене Лота читается с одним лишь горьким чувством жалости, любви и сострадания к женщине, что не сумела и не умела – не оглянуться на свой обреченный дом.

Ее судьбе предстояло на протяжении тысячелетий, изобиловавших войнами, повторяться и повторяться во множестве человеческих жизней. Как и многое в Библии, образ жены Лота – это образ огромной силы обобщения, ставший общечеловеческим символом страдания изгнанников всех времен и стран. Как характерно и символично, что мы не знаем даже ее имени!

Но что же было дальше?

После рассказа о жене Лота Библия на минуту возвращается к Аврааму. Ведь, как мы знаем, он провел мучительную ночь, ожидая того часа, когда, по его расчетам, ангелы достигнут Содома. Он встал рано утром со своего беспокойного ложа и пошел к тому месту на дороге в Содом, где всего лишь вчера расстался со «старшим» и его ангелами.

Выйдя на дорогу, Авраам *«...посмотрел к Содому и Гоморре и на все пространство окрестности и увидел: вот, дым поднимается с земли, как дым из печи»* (Быт. 19: 28).

Библия, как уже было сказано, всегда исключительно лаконична. Она чаще всего дает лишь краткую запись происшедшего, не вдаваясь, за редкими исключениями, в описание переживаний. Однако сама лаконичность повествования, как ни странно нам, привыкшим к романной прозе, да-

ет иногда больше, чем подробное описание. Величие событий, торжественность слога, категоричность изложения, не предусматривающего сомнений, и какая-то императивность, повелительность стиля, почти гипнотического в своем ритме, — все это восполняет недостающие звенья, пропущенные или выкрошенные временем эпизоды.

Так и здесь, в этой маленькой сценке, показывающей нам старого Авраама на содомской дороге ранним утром и на том самом месте, где он распрощался с тремя странниками, нам многое ясно уже хотя бы потому, что мы хорошо знаем все, случившееся с Авраамом и накануне, и намного раньше.

Мы совершенно ясно представляем себе, что мог чувствовать Авраам, знающий о предстоящей гибели Содома, где живет со своим семейством его Лот. У него нет уверенности, что Лот останется жить, так как десяти праведников в городе Содоме могло и не оказаться.

Возможно, жалея Лота, Авраам вспомнил свою молодость в Уре, где он когда-то жил с отцом Фаррой, Лотом и братом, впоследствии затерянным на дорогах жизни. Но, возможно, вспомнил он и весь род свой, и тут могла прийти ему на память история Ноя, семейство которого, как он хорошо знал из четких еще тогда преданий, переполненных утратившимися затем подробностями, состояло из восьми человек. Со свойственной Аврааму способностью к выкладкам он не мог не догадаться, что все древнее человечество погибло, возможно, именно потому, что не нашлось тогда, перед самым

потопом, десяти праведников, а было их только восемь. Не потому ли, мог рассуждать он далее, «старший» и прекратил разговор с Авраамом, когда просьба его дошла до числа «десять»? По-видимому, размышлял Авраам, глядя на дым, поднимавшийся со стороны Содома, в семействе Лота, единственном праведном семействе в развращенном городе, было меньше десяти человек. Сколько ни ждал Авраам вестей о Лоте, однако караванов со стороны Содома больше не было. Севернее Содома образовалось огромное соленое озеро, превратившееся затем в море, названное Мертвым, а дорога на юг, по которой можно было бы пройти в сторону знаменитого для всех путешественников и купцов Мамврийского оазиса, была закрыта высокими каменными разломами, между которыми струились серные ручьи, еще и по сей день дающие о себе знать выбивающимися из-под земли горячими источниками.

Неизвестно, по какой причине, но, оказывается, Лот вскоре ушел из спасительного для него Сигора. Возможно, он просто раскаялся, что в свое время пренебрег словами ангелов, направлявших его, как мы знаем, не в Сигор, а на высокую гору – самое безопасное тогда место среди разбушевавшейся стихии огня, серы и смолы.

Случай с женой, которая погибла именно потому, что она ослушалась ангелов и посмела оглянуться, также не выходил у него из головы. Тоска, душевная мука и раскаяние, скорее всего, и вынудили Лота уйти из Сигора.

Куда же он пошел? Разумеется, он пошел на гору ту самую, что указали ему посланцы Бога.

Там и стал жить Лот вместе со своими дочерьми.

Шли годы, они жили одиноко и неторопливо вели свое маленькое хозяйство. Их жизнь была совершенно отшельнической. Насколько хватал глаз, они изо дня в день видели одно и то же: вся окрестная местность, исковерканная катастрофой, представляла собою нагромождение камней и обломков скал, базальтовых черных глыб и серой, как пемза, застывшей лавы, повсюду еще курился дым и поднимались струи пара от клокотавших источников. Лишь далеко, за горизонтом, невидный даже с вершины горы, лежал, как они знали, избежавший кары город Сигор.

Шли годы. Дочери уже вышли из возраста невест. Они с тоской думали о приближавшейся зрелости, а затем и о неотвратимой старости. Их женихи («зятья») погибли в Содоме. Трудно было надеяться, что кто-либо вдруг появится на их опостылевшей горе, – вокруг простиралась безжизненная пустыня. Правда, был Сигор, но отец под страхом проклятия запретил думать о нем. Сигор был его грех, свидетельство и символ его непослушания божьей воле. Он считал, что должен был жить и умереть на горе. Думал ли Лот о том, что с его смертью оборвется и его колено, его род? Он ведь не знал, что Агарь, наложница Авраама, уже родила маленького Измаила. Не знал он и того, что у Авраама и Сарры должен будет родиться собственный ребенок, которого они на-

зовут Исааком, что значит «радость», или «смех». Он твердо знал, что умрет и не оставит по себе потомства, ибо некому познать дочерей его. Но на то – так мог рассуждать Лот – божья воля и божья кара.

Между тем дочери, в отличие от Лота, думали о потомстве неотступно. Эта мысль преследовал а их днем и ночью. В своих мечтах и ночных фантазиях они перебрали множество вариантов, но все отпадали по самой простой и единственной причине – из-за их полной отъединенности от мира.

И все же одна возможность, о которой они поначалу боялись даже думать и старались не говорить о ней между собою, постоянно возникала в их распаленном воображении.

Они могли зачать от своего отца.

Мысль эта, показавшаяся сначала чудовищной, потом стала представляться забавной, а после сделалась вполне привычной, и ее обдумывали и так и сяк. Конечно, сам Лот никогда не пошел бы на такой грех – грех поистине содомский, но его дочери уже принадлежали к другому поколению. В отличие от Лота, которого содомляне всегда дразнили словом «пришелец», они выросли в Содоме, и, возможно, *дух* этого города незаметно проник в их душу, взрастив там семена греха. В то же время они во время обдумывания своего плана могли отчасти утешаться и некоторыми обычаями собственного народа, а именно теми обычаями, что, например, позволили Сарре самой отобрать и привести наложницу к Аврааму, когда ее бесплодие стало угрожать прекращению

ем потомства. Среди Авраамова народа такой вынужденный обстоятельствами поступок не считался за грех. Однако дочери Лота еще долго сомневались, так как не могли припомнить, чтобы наложницею стала дочь (или даже дочери). Но и тут они утешали и оправдывали себя мыслью, что не знают таких случаев просто по бедности своего житейского опыта. В пестрой сумятице преданий подобный случай мог просто не попасться им на глаза. В конце концов, все ли рассказывают детям и девицам? В семье Лота, воспитывавшего дочерей в неукоснительном благочестии, ненужных, а тем более греховных разговоров не велось.

Дочери Лота, решив зачать от него, придумали сделать это так, чтобы Лот, дав семя будущему потомству, вместе с тем оставался бы в неведении относительно совершенного им поступка. С этой целью они решили напоить отца, чтобы взять – этот грех на себя, оставив отца как бы безгрешным.

Но предоставим речь Библии:

«И сказала старшая младшей: отец наш стар, и нет человека на земле, который вошел бы к нам по обычаю всей земли.

И так напоим отца нашего вином, и переспим с ним, и восставим от отца нашего племя.

И напоили отца своего вином в ту ночь; и вошла старшая и спала с отцом своим; а он не знал, когда она легла и когда встала.

На другой день старшая сказала младшей: вот, я спала

вчера с отцом моим; напоим его вином и в эту ночь; и ты войди, спи с ним, и восставим от отца нашего племя.

И напоили отца своего вином и в эту ночь; и вошла младшая и спала с ним; и он не знал, когда она легла и когда встала.

И сделались обе дочери Лотовы беременными от отца Своего;

И родила старшая сына и нарекла ему имя: Моав.

Он отец Моавитян доньне.

И младшая также родила сына, и нарекла ему имя: Бен-Амми. Он отец Аммонитян доньне» (Быт. 19: 31-38).

Больше о Лоте и его дочерях и о том, как они жили после рождения сыновей, нам ничего не известно.

Относительно рассказа о невольном грехе праведного Лота можно, пожалуй, лишь добавить, что в нем чувствуется (как, впрочем, нередко в Библии) легкая переключка с невольным грехом праведного Ноя. Как мы помним, Ной, поселившись в долине Араратской, развел там виноградник и, выпив однажды незнакомого ему виноградного сока, уснул хмельным сном. Он спал обнаженным, что дало повод Хаму посмеяться над ним. Ной, как и Лот, впал в грех и ввел своего сына в грех по неведению.

Подобные переключки, всегда имеющие подчеркнутый моральный, поучительный смысл, по-своему скрепляют достаточно разрозненные страницы библейских рассказов, но скрепы эти ненавязчивы и не жестки, они рассчитаны, ско-

рее, на нашу интуицию и догадку.

Однако вернемся к Аврааму. Мы его оставили, повествуя о Лоте, на том месте дороги, где он смотрел на далекое зарево и дым, поднимавшиеся над Содомом.

АВРААМ И АВИМЕЛЕХ

Вскоре запах дыма дошел и до Мамврийской рощи. Очевидно, усиливавшийся ветер гнал серные испарения, а вместе с ними и вулканическую пыль далеко к югу. Воздух был тяжел и смраден, солнце порою

едва пробивалось сквозь тусклую пелену и странно меняло свой цвет, становясь то блекло-серым, то оранжевым и багровым. Зловещие желто-зеленые тучи, свивавшиеся жгутами, придавали всему ландшафту пугающий вид. Попрыталось все живое. Так продолжалось несколько дней. Авраам решил покинуть обжитое место, и вскоре длинный караван двинулся к югу. Прошло много времени, прежде чем запах серы и гари исчез, а зловещее зарево скрылось за выпуклостью земли. Дышать наконец-то стало легко и свободно.

Мысленно Авраам распрощался с Лотом. Он знал, что больше никогда его не увидит. То была самая большая потеря за его долгую жизнь. В свое время он тяжело пережил смерть отца, но Фарра был очень стар, и кончина его была естественной. Лот был любимцем. И Авраам и Сарра относились к нему, как к сыну. Если бы было довольно пастбищ,

они бы никогда не разделились. Видно, такова божья воля.

Авраам направился на самый юг Ханаана. Там были прекрасные места, особенно между Кадешом и Суром: просторные пастбища, луга, покрытые травой, и три источника чистой холодной воды, ломящей зубы даже в самый знойный день. Места были богатые и гостеприимные. Уже через несколько дней Авраам был приглашен царем герарским Авимелехом, владевшим обширными землями к западу и югу. Ему принадлежало несколько городов, и двор его славился роскошью.

Авимелех был давно наслышан о мудром Аврааме, о его полководческих талантах и примерной добродетельности. Но о Сарре, жене Авраама, он не знал ничего, кроме того, что она славилась красотой. Однако Сарре в это время было уже, как мы знаем, около девяноста лет. Каково же было удивление Авимелеха, когда он увидел женщину, исполненную редкого обаяния.

Надо сказать, что Библия особо подчеркивает обманчиво молодой вид Сарры, что, возможно, было вызвано начавшейся беременностью, чудесно преобразившей старую женщину.

Авраам, еще по пути к Авимелеху, почувствовал тревогу, какую он испытал когда-то при въезде в Египет. Неужто царь герарский, как некогда фараон, заинтересуется его Саррой и захочет убрать со своей дороги нежелательного ему соперника-мужа?

Следует заметить, что это едва ли не бродячий сюжет в Библии, – так или иначе, в разных обличьях он варьируется на ее страницах, возникая, в непохожих друг на друга историях.

Авраам, как уже было в Египте, выдает Сарру за свою сестру.

И история повторяется: Авимелех, как когда-то египетский фараон, приближает к себе Сарру.

Вмешивается Бог.

На этот раз кары, обрушившиеся на герарского царя, захотевшего, хотя и по неведению, сотворить прелюбодеяние, вступив в связь с замужней женщиной, не были так страшны, как в Египте, но все же весьма ощутимы и очевидны. Авимелех, у которого открылись глаза на истинное положение дела, тотчас выпустил Сарру из своего гарема, не успев прикоснуться к ней. В глубине души (и совершенно справедливо) он считал во всем виновным Авраама.

«И призвал Авимелех Авраама и сказал ему: что ты с нами сделал? чем согрешил я против тебя, что ты навел было на меня и на царство мое великий грех? ты сделал со мною дела, каких не делают.

И сказал Авимелех Аврааму: что ты имел в виду, когда делал это дело?

Авраам сказал: я подумал, что нет на месте сем страха. Божия, и убьют меня за жену мою...» (Быт. 20: 9, 10, 11).

Это место в истории об Аврааме и Авимелехе интересно

не только по своему психологическому правдоподобию и по выразительности, с какою обрисованы нравы тех времен, но и по своему общечеловеческому гуманистическому смыслу. Ведь Авраам и Авимелех чтил разных богов, но Авимелех не только простил Авраама но буквально задарил его многочисленными подарками, желая как-то загладить моральный урон, поневоле нанесенный его семейству в истории с Саррой. И для Авраама, и для Авимелеха существуют некие высшие моральные нормы, которые переступают границы наций и религий.

Оказывается, кроме того, что Сарра и в самом деле является его сестрой у них один отец и разные матери. Такие браки в древности были возможны и не наказывались ни богом, ни людьми.

Замечательно звучат слова Авраама в его заключительном объяснении с Авимелехом. Он говорит:

«Когда Бог повел меня странствовать из дома отца моего, то я сказал ей (Сарре. – А. П): сделай со мною сию милость, в какое ни придем мы место, везде говори обо мне: „это брат мой“»
(Быт. 20: 13).

Люди – братья. И как бы ни пестра была Библия в своих рассказах о жестоких войнах и распрях, о кровопролитиях и казнях, эта мысль, высказанная Авраамом:

«Всюду говори обо мне: это брат мой», осталась в истории как высокий и священный для человечества завет добра и

любви. Увы, люди на протяжении последующей тысячелетней истории только и делали, что нарушали его, натравливая племена и народы друг на друга, вступая в религиозные войны и противопоставляя одни народы другим. В самой Библии тоже громко звучит мысль о богоизбранности народа, которому предстояло произойти от Авраама. Но, как ни парадоксально, именно Авраам первым произнес замечательные слова о братстве людей: «Всюду говори: я брат твой».

И как характерно, что народы, происшедшие от семени Авраама, – иудейский и мусульманский – в истоке своем, в начале начал, имеют, по Библии, одного праотца: Авраама.

ИСТОРИЯ ИСААКА

Уже говорилось, что Агарь, наложница Авраама, вернувшись из пустыни, куда она убежала от притеснения Сарры, вскоре родила сына Измаила. От нее, египтянки, и от Измаила, сына Авраама, предстояло в будущем произойти многим народам мусульманской веры.

Как и было предсказано, престарелая Сарра разрешилась от бремени, родив сына, названного Исааком, что значит «радость», или «смех». Относительно имени высказывались догадки, что оно было выбрано в память о радости, испытанной Саррой, наконец-то ставшей матерью. Но не менее правомочно и другое мнение, сторонники которого считают, что имя Исаака, означающее – одновременно и «радость» и «смех», было выбрано в напоминание о смехе Сарры, когда она слышала от «старшего» странника, что должна родить.

Когда родился Исаак, маленькому Измаилу было уже тринадцать лет. Естественно, они росли вместе и доставляли старому Аврааму большую радость. Он надеялся, что они будут дружны и станут верными помощниками в его старости.

Но, по-видимому, живой и дерзкий, насмешливый и драчливый Измаил полностью унаследовал черты Агари, имевшей, как мы помним, характер не только живой, но и достаточно вздорный. Недаром она никак не могла поладить с Саррой. И хотя после возвращения из пустыни долго плака-

ла, раскаивалась, просила прощения и вела себя примерно, все же, когда Измаилу не было еще и года, она вновь принялась за прежнее. Ребенок связывал обеих женщин и своей детской беспомощностью, забавными выходками и улыбкой быстро пресекал любые размолвки. Авраам страстно любил своего первенца.

Увы, Измаил часто обижал своего маленького брата, он смеялся над ним и, будучи старше и сильнее, часто притеснял его. Агарь, со своей стороны, защищала сына и вступала в постоянные пререкания с Саррой. И вот повторилось то, что уже было. Как ни скорбел Авраам, но он внял словам Сарры и решил отпустить Агарь и Измаила на все четыре стороны.

«Авраам встал рано утром, и взял хлеба и мех воды, и дал Агари, положив ей на плечи, и отрока, и отпустил ее...» (Быт. 21: 14).

Скорее всего, как и в прошлый раз, Агарь двинулась в сторону Египта – давняя мечта о возвращении на родину, по видимому, никогда не оставляла ее. Но пустыня была огромна и безводна. Медленно бредя вперед уже много дней, они съели и выпили все свои припасы и, судя по всему, очень далеко отошли от Авраамова дома, чтобы можно было вернуться обратно и вновь попросить прощения у строгой Сарры и доброго Авраама. Наконец они потеряли счет дням и полностью обессилели. Особенно мучился юный Измаил, и казалось, часы его уже были сочтены. Агарь не в силах была

видеть его предсмертных мучений.

«И пошла, села вдали, в расстоянии на один выстрел из лука. Ибо она сказала: не хочу видеть смерти отрока.

И она села против (него. – А. П.), и подняла вопль; и плакала...» (Быт. 21: 16).

Стоны Измаила и вопль Агари были услышаны. Подняв глаза, она неожиданно увидела неподалеку от себя колодец с водою, быстро наполнила мех, и Измаил, испив, как сказано в Библии, живой воды, сразу пришел в себя.

Когда Измаил вырос, он остался жить в пустыне и занимался звериной ловлей. Он был превосходный стрелок из лука, и никто не мог превзойти его в этом искусстве.

Известно, что Агарь, бывшая со своим сыном неотлучно, нашла ему жену из Египта и тем самым хотя бы отчасти удовлетворила свою тоску по родине, так как в маленьких своих внуках с радостью видела черты родного ей народа.

Между тем, повествует далее Библия, Бог захотел испытать твердость духа и веры Авраама. Причиной тому были, скорее всего, жалобы Авраама и постоянная тоска его по любимому первенцу Измаилу. Были ночи, когда Авраам не смыкал глаз, думая о том, что могло произойти в пустыне, всегда безжалостной к путникам, бредущим по ней в одиночку. Можно пройти огромное расстояние и не встретить ни одного колодца, так как песчаные бури и смерчи засыпают их, и лишь очень опытные путешественники, владельцы караванов, способны отыскать засыпанный источник и вновь

возвратить ему жизнь. В пустыне рыскают дикие звери, и горе тому, кто безоружным попадется на их пути. Правда, Исмаил отличный стрелок и у него есть большой запас стрел, но ведь силы от голода и жажды могут иссякнуть, и тогда рука не сможет натянуть тетиву. Из ночи в ночь ему представлялись картины, одна ужаснее другой: вот лев, раздирающий Исмаила, вот гиена, уничтожающая его останки.

Изгнание Авраамом Агари с сыном Измаилом.

Он горько упрекал Сарру за то, что она не смогла прими-

рить маленьких братьев, что не могла ужиться с Агарью...
Более того, он готов уже был роптать и на Бога.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ АВРААМА

В одну из таких тяжких ночных минут и было ему видение. Он как бы вновь, сквозь сон и полудрему, сквозь свою боль и страдание, увидел того «старшего», что подходил к нему с двумя другими странниками на содомской дороге, а, увидев, услышал и голос, повелевший взять Исаака и на одной из гор принести его в жертву.

Ранним утром Авраам оседлал осла, положил на него сухие дрова (для сожжения тела) и, взяв двух слуг и Исаака, двинулся в путь. Надо было идти к горе, возвышавшейся «в земле Мориа», то есть почти три дня. Столь неблизкий путь был предуготовлен Аврааму не только потому, что не было гор ближе, а, конечно, из того, чтобы дополнительно испытать его веру. Но ни разу за все три дня пути и за три ночи, когда они ночевали, раскинув шатер возле знакомого источника, Авраам не поколебался в своем послушании. Каждый шаг был тяжел, так как приближал к ужасной цели, но Авраам был тверд и лишь временами ласково касался сына — единственного своего сына, рожденного от Сарры. Так вел он свою радость и Саррин смех в жертву Богу.

Достигнув подошвы горы, Авраам приказал слугам остаться и, положив на спину Исааку вязанку дров, двинулся

по еле заметной тропе к вершине.

«И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?»

Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой. И шли далее оба вместе.

И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров.

И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего.

Но Ангел Господень воззвал к нему с неба и сказал:

Авраам! Авраам! Он сказал: вот я.

Ангел сказал: не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего; ибо теперь я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня.

И возвел Авраам очи свои и увидел: и вот, позади овен, запутавшийся в чаще рогами своими. Авраам пошел, взял овна и принес его во всесожжение вместо Исаака, сына своего» (Быт. 22: 7-13).

Такова была величественная и трагическая предыстория жизни Исаака, которому предстояло стать одним из великих патриархов древности, давших жизнь многим замечательным людям, в том числе и Иосифу Прекрасному.

После случившегося мирная жизнь в доме Авраама продолжалась еще долго. Возмужав, Исаак стал верным помощ-

ником отцу во всех его делах. Правда, Авраам так и не смог забыть Измаила; не было дня, чтобы он не посмотрел в сторону дороги, ведущей, как он знал, к Египту, с тайной надеждой увидеть возвращающихся в родной дом первенца и Агарь. Немало путников прошло мимо дома Авраама, и немало караванов, позвякивая колокольцами, прошептывало по дороге, но никогда никто не принес ему вестей от Измаила. Лишь однажды услышал он рассказ о каком-то необыкновенно метком стрелке, жившем в шатре с египтянкой-женою и с матерью в пустыне Фарах. Сердце Авраама бешено забилося, но он сдержал себя, полагая, что на все есть воля божья.

Авраам и его сын Исаак

Настал печальный день, когда Сарра, достигнув ста два-

дцати семи лет, тихо скончалась, благословив слабеющей рукою Авраама и Исаака.

Авраам похоронил ее на специально купленном участке в пещере близ Хеврона. Впоследствии там же упокоится и его прах.

Это место, доныне почитаемое священным и у христиан, и у иудеев, и у мусульман, находится сейчас возле маленькой крепости, возвышающейся над Хевроном. Его охотно посещают паломники и туристы — люди разных вер и разных национальностей. Они идут поклониться своим общим прародителям.

Когда Исааку исполнилось сорок лет, Авраам решил подыскать ему жену. Он призвал уже знакомого нам домоправителя Елиезера (того самого, что так подробно рассказывал о Ноевом ковчеге со слов своих предков) и приказал ему найти девицу обязательно в Месопотамии, в городе, где когда-то жил Нахор, его потерянный брат. По-видимому, Авраам надеялся, что ему удастся соблюсти обычаи своего племени, если Елиезер найдет родственников Нахора. Ведь, как мы знаем, и сам Авраам был женат на сестре, и многие другие в те времена предпочитали жениться на родственниках, чтобы тем самым сохранить кровную прочность племенного или родового союза.

Наказ Авраама, данный Елиезеру, был строгим и определенным. Женщина, которую изберет слуга, во-первых, не должна принадлежать к хананейскому народу, во-вторых,

она должна прибыть в дом Авраама и Исаака добровольно и, в-третьих, что самое трудное, она должна хотя бы отдаленно быть родственной семье брата Нахора. Если первые два условия казались относительно легкими, то третье, если учесть, что о Нахоре долгое время не было никаких известий, представлялось Елиезеру трудным и даже вряд ли вообще выполнимым. Но Авраам особенно настаивал на нем, так как не хотел растворить свое племя среди чуждых ему хананеян. Ведь и Сарру он похоронил вдали от хананеянских владений, пойдя на очень большие расходы ради того, чтобы купить пещеру Махпелу, близ Мамвры, которая, как мы уже знаем, и стала семейной усыпальницей патриарха. Он сказал Елиезеру:

«...клянись мне Господом, Богом неба и Богом земли, что ты не возьмешь сыну моему, Исааку, жены из дочерей Хананеев, среди которых я живу;

Но пойдешь в землю мою, на родину мою, и к племени моему, и возьмешь оттуда жену сыну моему Исааку»

(Быт. 24: 3, 4).

Чтобы укрепить веру Елиезера, он сказал ему, что Бог будет покровительствовать ему и что впереди каравана будет незримо шествовать ангел.

Ревека у колодца

Елиезер отправился не налегке. Он вез многочисленные

дары и будущей невесте, если таковая найдется, и ее семье.

Забренчали медные колокольцы, и караван двинулся в путь. Авраам и Исаак долго еще смотрели ему вслед, пока он наконец не скрылся среди дальних барханов. Путь был не близким, но все десять верблюдов были крепки и надежны. По расчетам Авраама, провианта и воды вполне могло хватить на несколько дней.

И вот, наконец, караван вошел в землю Месопотамскую, а еще через какое-то время показался и город, где, по предположениям, жил когда-то брат Авраама Нахор и где теперь следовало найти невесту для Исаака.

Елиезер остановил верблюдов неподалеку от городских стен – там, где находился колодец. День уже склонялся к вечеру. Тревога и надежда переполняли сердце верного Елиезера. Он стал горячо молиться и сказал:

«Господи, Боже господина моего Авраама! Пошли ее! сегодня на встречу мне...»

Вот, я стою у источника воды, и дочери жителей города выходят черпать воду;

И девица, которой я скажу: наклони кувшин твой, я напьюсь, и которая скажет мне: пей, я и верблюдам твоим дам пить, пока не напьются, – вот та, которую Ты назначил рабу Твоему Исааку...

Еще не перестал он говорить, и вот, вышла Ревекка... Девица была прекрасна видом, дева, которой не познал муж. Она сошла к источнику, наполнила кувшин свой и по-

шла наверх.

И побежал раб на встречу ей и сказал: дай мне испытать немного воды из кувшина твоего.

Она сказала: пей господин мой. И тотчас спустила кувшин свой на руку свою и напоила его.

И, когда напоила, сказала: я стану черпать и для верблюдов твоих, пока не напьются все. И тотчас вылила воду из кувшина своего в поило, и побежала опять к колодезю почерпнуть воды, и начерпала для всех верблюдов его» (Быт. 24: 12-20).

Надо ли говорить, как обрадован был Елиезер; в Библии сказано, что он был изумлен и даже потерял дар речи. Встреча, исполнившаяся словно по предначертанному свыше, обещала и удачное завершение.

Попросившись переночевать, Елиезер вошел в дом Ревекки. Его приняли как почетного гостя, устроили верблюдов и сопровождающих. Больше всех хлопотала Ревекка. Насытившись, Елиезер стал вести неторопливую беседу, и ему пришлось вновь изумиться и обрадоваться: оказывается, девица была внучкой Нахора, брата Авраама. И Нахор, и его сын Вафуил, отец Ревекки, уже умерли. Отца Ревекки заменял ее старший брат – Лаван. Он был намного старше своей прекрасной сестры и вполне подходил к этой роли.

Словом, Елиезер, посланец Авраама, столько лет горевавшего о Нахоре, оказался в семье ближайших Авраамовых родственников. Он невольно представлял себе, как обраду-

ется старый Авраам, услышав такое известие, даже если Ревекка откажется покинуть землю и дом своего отца и брата.

То, кстати, было последнее затруднение, беспокоившее Елиезера: согласится или нет Ревекка стать женой незнакомого ей Исаака?

Чтобы убедить Лавана, Ревекку и всех родственников, он полностью раскрыл им весь свой план, а также рассказал о всех чудесных подтверждениях, которые получил, встретив Ревекку у колодца: как она дала ему пить и как напоила его верблюдов, хотя совершенно не знала о том, что именно об этом просил Елиезер у Бога. Чудом было, по его словам, и то, что, прибыв в их город и не ведая, есть ли кто в нем из родственников Нахора, он, однако, очутился в доме Авраамова брата и его внучатой племянницы.

Все были потрясены рассказом Елиезера и в эту ночь даже не сомкнули глаз, заставляя его еще и еще раз пересказывать случившееся.

Надо ли пояснять, что и Ревекка, слушавшая рассказ с горящими глазами, тотчас ответила согласием быть женою Исаака.

У нас нет сведений, как жилось Ревекке после смерти отца в доме Лавана, но если учесть его жестокость по отношению к Иакову, будущему сыну Ревекки и Исаака, когда (в будущем, конечно) тот попал в услужение к Лавану, чтобы получить право жениться на Рахили, то можно догадаться и о другой причине быстрого ответа Ревекки. Наверно, ей не

так уж сладко жилось у Лавана, если она не осталась даже и на те десять дней, что Лаван и мать давали ей, дабы она еще раз все обдумала и взвесила. Мы не можем строить по этому поводу особенных догадок, но все же не можем не обратить внимания на деталь, почти подчеркнутую в Библии. Это то место, где рассказывается, как Лаван выбежал к Елиезеру, еще стоявшему у своих верблюдов, когда увидел золотую серьгу, подаренную Ревекке, и как был тщеславно поражен богатством даров, преподнесенных и ему, и Ревекке, и всем родственникам, жившим в то время в доме Нахора.

Возможно, что эти два обстоятельства, свидетельствующие о характере Лавана и об атмосфере в доме, сыграли какую-то роль в быстром решении Ревекки, не очень-то, по-видимому, державшейся за эту семью. Кроме того, ей, как и всякому молодому существу, хотелось новых впечатлений.

Однако чудесные предзнаменования и не менее чудесные совпадения сыграли в этом деле, по-видимому, все же более важную, а может быть и единственную, роль, чем разного рода бытовые причины, о которых мы, по сути, ничего не знаем и можем лишь догадываться и строить на этот счет предположения.

«И отпустили Ревекку, сестру свою, и кормилицу ее, и раба Авраамова, и людей его...

И встала Ревекка и служанки ее, и сели на верблюдов, и поехали...» (Быт. 24: 59, 61).

Далее рассказывается, что после нескольких дней пути

они наконец прибыли к дому, но еще по дороге, не доезжая, Ревекка увидела в поле человека и сразу догадалась, что это Исаак. На всякий случай она спросила у сопровождавшего ее Елиезера, кто он, и слуга ответил, как она, впрочем, и ожидала, что это Исаак.

«И ввел ее Исаак в шатер Сарры, матери своей, и взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее; и утешился Исаак в печали по Сарре, матери своей» (Быт. 24:67).

Так счастливо (что, кстати сказать, редко бывает в Библии) закончилась вся история.

ИСААК И ЕГО ДЕТИ

Старый Авраам был очень доволен счастливой женитьбой сына. Была у него и другая радость: он узнал, что первенец его, Измаил, не только жив, но что многочисленные потомки его широко расположились между Евфратом и Черным морем. Правда, придерживались они другой веры, но все равно то была ветвь Авраамова.

После смерти Сарры Авраам долго горевал, но, чувствуя в себе еще немало сил, вновь женился. От второй его жены, Хеттуры, было шесть сыновей. Они быстро подросли, появились внуки, и Авраама, а также Исаака стал тревожить вопрос о наследстве. По законам и обычаям того времени наследником мог быть только первородный сын. Об Измаиле, разумеется, речи не шло, он давно жил самостоятельно и даже не желал показываться в дом отца, затаив обиду за изгнание в пустыню. Чувство обиды, переросшее во вражду, перешло затем и к его народу, презиравшему потомков Авраама.

Следовательно, первородство переходило к Исааку.

Как ни грустно было Аврааму, но он отделил шестерых своих сыновей, а с ними вместе и внуков, посоветовав им направиться к востоку от Ханаана, где, как он знал, было еще очень много свободных и богатых кормом пастбищ. И они ушли на восток, наделенные богатыми дарами и, по-видимому, понимая справедливость принятого решения, поскольку

оно полностью соответствовало всем обычаям предков.

И все же – увы! – и этому народу, происшедшему от Авраама, постепенно стало свойственно чувство вражды к потомкам первородного Авраамова сына Исаака. Надо думать, что как ни священные были обычаи и непреложные законы, регулировавшие права наследства, все же живое чувство не могло с ними полностью смириться и обида, глубоко затаенная в тех людях, что ушли на необжитые земли, оказалась подобна раскаленному углю, лишь едва прикрытому пеплом внешних приличий.

Между тем наступил день, когда Авраам, достигший к тому времени ста семидесяти пяти лет, умер.

На его похороны прибыло все его бесчисленное потомство, в том числе и Измаил, нарушивший ради этого печального и торжественного события обет, данный самому себе, – не возвращаться к отцовскому порогу.

Авраам был погребен рядом с Саррой – в пещере Махпела.

Исаак и Ревекка страстно любили друг друга. На их семейной жизни, исполненной добра и взаимоуважения, словно лежала некая благодать.

Но повторилась давняя история, а именно та самая, что долго была причиной горя Сарры и Авраама. У них не было детей. Богатое жилище, которое и так опустело после отъезда шестерых Авраамовых сыновей и многочисленных внуков, совсем осиротело, когда умер сам Авраам.

Исааку было уже шестьдесят лет, и он все чаще думал о наследнике, порою почти отчаиваясь в своей надежде. Ревекка же, несмотря на то, что годы шли, была тем не менее твердо уверена, что станет матерью. Счастливое начало ее замужества, благословленное явными знаменами свыше, убеждало ее в необходимости ждать и надеяться. Она не допускала и мысли, чтобы выбрать для Исаака наложницу, как это сделала когда-то Сарра, продлившая род рождением Измаила. Ей мешало и чувство женской ревности, так как она любила Исаака с той безраздельной страстью, которая не предполагает возможности пребывания в семье другой женщины.

И вот настал день, когда, убедившись по всем признакам, она сообщила Исааку, что у них будет ребенок. Радость обоих супругов не поддается описанию.

Ревекка родила двоих мальчиков.

Первым появился Исав, а следом за ним, держась, как рассказывали, за его пятку, — Иаков.

Мальчики, однако, разительно не походил и друг на друга. Их различие особенно стало бросаться в глаза, когда они подросли. Исав был коренастый, краснолицый, косматый, тело его было покрыто шерстью. Он любил охоту и надолго уходил из дома, выслеживая зверей. А Иаков отличался не только красотой, но и женственностью, он был мягок, кроток, незлобив, любил уединение. Естественно, что дружбы между братьями не было, и Ревекка при случае любила вспо-

минать, что еще в своем чреве, когда она носила их, постоянно чувствовала толчки, словно кто-то внутри дерется. Она вопрошала тогда Бога, что бы это могло значить, и Бог во сне объяснил ей, что от братьев в будущем произойдут разные народы и что им суждено вечно враждовать между собою. Как мы увидим, так и случилось. Все же Иаков по-своему любил своего грубоватого и диковатого брата, ему нравилась дичь, какую он приносил, и его скупые рассказы об охоте.

Поскольку Исава родился минутою раньше Иакова, он считался сыном первородным и, как мы уже говорили, по тогдашним обычаям становился преимущественным наследником после смерти отца. Тут и споров не могло быть. Но Исаака смущало предсказание, данное ему при рождении сыновей, о том, что старший будет в подчинении у младшего. Предсказание основывалось как раз на том факте, что младший, то есть Иаков, при рождении держался за пятку старшего, а держаться за пятку было в речи этого народа своеобразным фразеологизмом, означавшим примерно: «Уйди с дороги». И, следовательно, если верить такому предсказанию, а Исаак, как и все его сородичи, твердо верил в предсказания, приметы, пророчества и предзнаменования, то выходило, что каким-то непонятным образом Исава, в конце концов, окажется в подчинении у своего младшего брата.

Иногда, как мы знаем, судьба играет в довольно затейливые и неожиданные игры, простые лишь с виду, но серьезные по последствиям.

Так и здесь. Однажды Исав вернулся с охоты страшно голодным, к тому же и охота была неудачной, так что он пришел домой, чего никогда не бывало, с пустыми руками. А Иаков как раз к этому времени сварил себе похлебки из красной чечевицы. И Исав, увидев похлебку, сказал: «Дай мне поесть». Иаков как бы в шутку ответил ему: «Продай мне теперь же свое первородство». То была, конечно, не шутка; наверно, в сознании Иакова бродила смутная мысль, что судьба к нему несправедлива. Зачем зверолову Исаву, думал, по-видимому, Иаков, зачем ему первородство, со всеми вытекающими из него имущественными благами, если он, Исав, вольный и дикий, совершенно не дорожит ни домом, ни имуществом и вряд ли когда займется ведением большого и сложного хозяйства, требующего забот, внимания и расчетов? Разве Исав, со своим необузданным характером, станет разводить овечьи отары, умножать число верблюдов, ослов и лошаков? Разве он будет вести торг с купцами, и снаряжать торговые караваны в дальние города? Нет, представить охотника Исаву, не расстающегося с луком и привыкшего дышать вольным воздухом охоты, в такой роли было невозможно. Наверно, и Ревекка, страстно любившая Иакова и недолюбливавшая Исава, что-нибудь подобное говорила своему мужу Исааку, а ее любимец слышал эти беседы. Вряд ли Исаак поддерживал такие разговоры, тем более что они были совершенно бесполезны, но тревога за будущее посещала и его. И вот, снимая похлебку с огня и собираясь, подать ее голод-

ному брату, Иаков вдруг и даже неожиданно для самого себя сказал ему: *«Продай мне теперь же свое первородство»*, на что Исав, не терпевший голода, ответил: *«что мне в этом первородстве?»*

«Иаков сказал ему: поклянись мне теперь же. Он поклялся ему, и продал Исав первородство свое Иакову.

И дал Иаков Исаву хлеба и кушанья из чечевицы: и он ел и пил, и встал и пошел; и пренебрег Исав первородство» (Быт. 25: 33, 34).

Исав действительно не придавал никакого значения своему первородству, само это слово было для него пустым звуком. Он был создан Богом и природою для вольной жизни, он по своей натуре был кочевником, охотником, а не скотоводом, не земледельцем и не хозяином. Так и в тот раз, утолив голод и жажду, он лег спать, а, выспавшись, снова ушел на охоту, даже не вспомнив ни о чечевице, ни об Иакове, ни о своей клятве.

Благословление Исааком сына Иакова.

Между тем шли годы. Исаак стал стареть, что поначалу

выразилось, прежде всего, в слабости глаз. Иногда он даже не мог различить, кто прошел мимо него – коренастый Исав или стройный Иаков; очертания людей и предметов словно расплывались в густом предутреннем тумане. Встревоженный, он однажды призвал своего старшего сына Исава и сказал ему:

«...вот, я состарился; не знаю дня смерти моей; Возьми теперь орудия твои, колчан твой и лук твой, пойди в поле и налови мне дичи,

И приготовь мне кушанье, какое я люблю, и принеси мне есть, чтобы благословила тебя душа моя, прежде нежели я умру» (Быт. 27: 2, 3, 4).

Ревекка, слышавшая эти слова, сразу догадалась, что старый Исаак, почувствовав приближение смерти, решил ввести своего старшего сына в наследство. Сердце ее, горячо любившее младшего сына, воспротивилось решению Исаака, и она задумала пойти на хитрость и, обман.

Зная, что Исав уходит ловить дичь в отдаленные излюбленные им места и, значит, вернется не скоро, она замыслила, пользуясь слепотой мужа, подставить ему для благословения вместо Исава своего любимца Иакова и сделать это как можно быстрее, упредив возвращение старшего с его дальней охоты.

Эта хитрость, кстати говоря, может служить косвенным подтверждением, что эпизод с чечевичной похлебкой был, конечно, не случайным, и вполне возможно, что Иаков по-

шел на свою уловку с согласия матери. Не исключено, что именно Ревекка и придумала все от начала до конца. Теперь надо было предупредить Исава, а дальше можно было не беспокоиться, так как Исав не мог отступить от данной им клятвы не претендовать на первородство.

Ревекка надоумила Иакова быстро сбегать в стадо и принести оттуда двух козлят.

«...и я приготовлю из них, — сказала она, — отцу твоему кушанье, какое он любит,

А ты принесишь отцу твоему, и он поест, чтобы благословить тебя пред смертью своею» (Быт. 27: 9, 10).

Послушный Иаков на все согласился, тем более что первая, самая важная часть дела, то есть приобретение первородства за чечевичную похлебку, была уже сделана. Но он обеспокоено заметил своей матери, что отец, при выкший из-за своей слепоты внимательно ощупывать лица и предметы, тотчас заметит, что перед ним не косматый, покрытый шерстью Исав, а гладкий и нежный Иаков, его младший сын. Но Ревекка предусмотрела такую опасность. Недаром она велела принести из стада не одного козленка, которого вполне хватило бы на приготовление кушанья, а двух. Она задумала шкурами козлят укрыть руки и шею Иакова. Кроме того, она достала одежду Исава, которую отец хорошо знал и которая пахла потом Исава, редко умывавшегося и не следившего за собою. Сделав все так, как было задумано хитрой и предусмотрительной Ревеккой, они вскоре, задолго до воз-

вращения старшего сына и брата, приступили к свершению задуманного. Конечно, риск был, но ведь и другого выхода для Ревекки и Иакова не существовало. Хорошо налаженное хозяйство, твердо полагали они, никак нельзя было отдавать в руки человека, совершенно им не интересовавшегося. Конечно, человек, не знающий обычаев и нравов того времени и народа, мог бы подумать, что хозяйством при старшем брате-владельце должен был заняться младший брат, чтобы тем самыми сохранить и умножить его. Однако обычай заставлял младшего брата в случае смерти отца и перехода владения к старшему обязательно отделиться, уйти из дома и начать самостоятельную жизнь. Двух владельцев не могло быть, так как при таком варианте младший брат оказывался в услужении, что считалось позорным, а делить хозяйство воспрещалось, чтобы ни в коем случае не дробить его. Мы помним, что именно так произошло и при Аврааме. И так в те времена происходило всюду и при всех главах семейств. Здесь всегда было много болезненного; обиды долго, а то и вовсе не заживали, что мы уже видели на примере Измаила и несчастной Агари, но обычай есть обычай и закон есть закон.

О том, как Иаков успешно выполнил хитроумный замысел Ревекки, прочитаем в Библии:

«Он вошел к отцу своему и сказал: отец мой! Тот сказал: вот я; кто ты, сын мой?»

Иаков сказал отцу своему: я Исав, первенец твой; я сделал, как ты сказал мне; встань, сядь и поешь дичи моей,

чтобы благословила меня душа твоя.

И сказал Исаак сыну своему: что так скоро нашел ты, сын мой? Он сказал: потому что Господь Бог твой послал мне на встречу.

И сказал Исаак Иакову: подойди ко мне, я оцупаю тебя, сын мой, ты ли сын мой Исав или нет?

Иаков подошел к Исааку, отцу своему, и он оцупал его и сказал: голос, голос Иакова; а руки, руки Исавовы. И не узнал его, потому что руки его были, как руки Исава, брата его, косматые. И благословил его» (Быт. 27: 18-23).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.